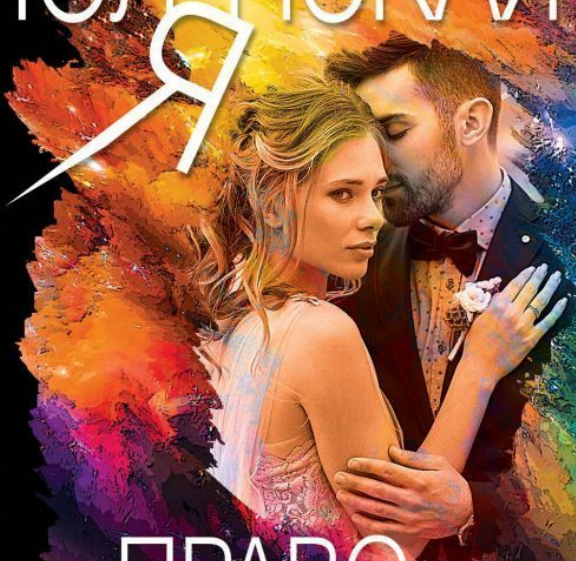

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ПРАВО
БЕЗУМНОЙ
НОЧИ

Алла Полянская

Право безумной ночи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8275777

Полянская, Алла. Право безумной ночи : роман: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-74902-7

Аннотация

Ольга твердо решила свести счеты с жизнью. Все равно в ней нет никакого просвета: бесконечные проблемы дома и на работе, дети выросли, и она им не нужна, а самое главное – ее неожиданно настигла несчастная любовь. Но как она ни старалась, Виталий Марконов видел в ней всего лишь друга... От последнего шага вниз с моста ее удержал какой-то бородатый грубиян на внедорожнике. После этого Валера незаметно вошел в ее жизнь и легко справился со всеми проблемами. Вот только он не мог предвидеть, что в машину новой знакомой подбросят взрывчатку и погибнет главный бухгалтер фирмы, где она работала. А потом Ольгу снова попытались убить... Никто, кроме нее самой, не вправе определять, жить ей или умереть! Но как узнать, кто и почему на нее покушается?

Содержание

1	5
2	20
3	37
4	62
5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Алла Полянская

Право безумной ночи

© Copyright © PR-Prime Company, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Умирать от несчастной любви глупо. Особенно когда тебе под сорок, у тебя практически взрослые дети и есть какая-никакая карьера. Я знаю, что глупо, я знаю, что сказали бы друзья или знакомые, что подумают дети – если я буду такой душой, что оставлю записку, где сообщу: мол, люблю Виталия Марконова, а он меня – нет, поскольку я выше его ростом и толстая, а он любит тощих. Да покажи мне такую предсмертную записку, я бы сама ржала, как стадо пожарников, до конца своих дней!

А потому я ничего писать не буду. Близнецы уже взрослые, обойдутся без меня. Я решу вопрос с квартирой, ну, и с прочими делами – и все, ребята, больше я в этой возне не участвую. Я устала тянуть этот воз, я устала быть одна и одна за все отвечать, я устала от того, что в моей жизни мне ни разу не попался нормальный мужик, а только неудачники, лодыри и ничтожества. И вот когда наконец он мне встретился – не неудачник, не лодырь и не ничтожество, то он со мной типа дружит. Потому что я здоровенная дылда с больной спиной, а не утонченная леди. Хотела бы я знать, как при такой рабочей нагрузке из меня можно сделать утонченную леди. Вот, тащу из машины сумки на шестой без лифта этаж – мне нельзя поднимать более трех килограммов, спина болит зверски. Но ребята там жрать хотят уже небось, а мать,

видите ли, страдает из-за несчастной любви. Стыдно кому сказать – но реально я больше не могу этого терпеть.

– Мам, ну где ты ходишь? – Матвей берет у меня из рук сумку. – О, печенья не купила...

– Забыла.

– Ты ж еще не разделась – съезди.

– Да пошел ты...

Матвей остался стоять с открытым ртом, а я, сбросив туфли, бреду к себе в спальню. Боль в пояснице становится все сильнее, мне надо бы прилечь. Я очень люблю своих детей, но иногда меня достает то, что они относятся ко мне как к штатному повару, прачке, уборщице и говночерпию. И вот сегодня достало окончательно.

– Мам, а что кушать?

Это второй подал голос. Ну, ребята, ешьте что-нибудь, можете что-то сварить, а на меня больше не рассчитывайте, привыкайте сами заботиться о своем пропитании.

– Денис, кушать будете сегодня то, что сварили.

Мне вот любопытно: а когда я умру, они заметят мое отсутствие только по пустому холодильнику и отсутствию чистой одежды в шкафу?

– Дэн, иди сюда! Тут надо куки почистить, прежде чем грузить, а ты...

Все, я не слушаю. Мои дети-программисты, хоть еще и студенты, уже встряли в какую-то фирму, и в доме житья не стало от разговоров о... Бог знает, о чем эти разговоры, мне

нет места на этом празднике жизни. Деньги они тратят на «железо» – их комната превращена в подобие склада компьютерной техники, и моя задача – не дать сыновьям пропасть с голоду. Но теперь я думаю о своей рухнувшей жизни и о том, что я – плохая мать, наверное, если мои личные переживания для меня сейчас важнее интересов детей, но – так тому и быть. Да, важнее. Потому что я люблю Виталия, и надежды на взаимность у меня нет ни малейшей.

– Мам, дай пожрать, а?

Они похожи друг на друга как две половинки одной задницы – оба русоволосые, зеленоглазые, с прямыми бровями и пухлыми губами. Они оба похожи на Клима, но это все, в чем они на него похожи. Они – избалованные наглые сопляки, которые никогда не получали по морде. И это я их такими вырастила – все заботилась, чтоб им было не хуже, чем другим детям. Тем, у которых есть отцы.

– Я занята. Хотите пожрать – готовьте сами.

– Идем, Мэтт, у маман снова приступ буйства.

Переглянувшись, они исчезают у себя в комнате. Лет с четырнадцати они ведут против меня войну, мне уже кажется, что так было всегда – и победа много раз переходила из одного окопа в другой, с более или менее приемлемыми потерями, но война эта вымотала меня окончательно, а дети, похоже, только вошли во вкус.

И теперь на меня вдруг обрушилась любовь.

Абсолютно ненужная, нелогичная и всецело безответная,

она упала мне на голову, как рояль на грузчика, и мне вдруг стала понятна моя жизнь – вернее то, что от нее осталось после смерти Клим. Работа, беготня с сумками и война с близнецами на фоне тотальной готовки, уборки и перманентной стирки с глажкой. Это – моя жизнь последние восемнадцать лет. А Марконов ездит по миру, живет в Испании, у него шикарная квартира в центре Питера, такая же – в центре нашего города, где он почему-то предпочитает жить, у него большой бизнес, друзья-политики, приятели-миллионеры, и я совсем не вписываюсь ни в его жизнь, ни в его окружение, ни в его постель, потому что, ко всем моим недостаткам, я ростом выше его и совсем не модельных параметров. И если размер своей задницы я еще могу изменить, то возраст и наличие полного загона в жизни, а тем более близнецов – нет.

И выхода нет.

Я устала быть сильной, граждане, так что отныне копайте погреб без меня. А я завтра решу вопрос с недвижимостью, распределяю средства – и айда, на том конце тоннеля меня ждался Клим. С ним я мигом забуду Марконова.

Мой сотовый, похоже, пора бы утопить – у него есть идиотская манера звонить по ночам и что-то требовать от меня голосом шефа.

– Ольга Владимировна, я забыл вам сказать днем, но хорошо, что вспомнил сейчас – вы подготовьте мне на завтра документы по дистрибуции с «Селеной».

– Сейчас одиннадцатый час, Сергей Станиславович, и до-

кументы в офисе.

– Но у вас есть ключ. Мне эти документы нужны утром, к половине девятого.

Это мой шеф вспомнил, что не доделал днем. Я подозреваю, что он – вампир, но я-то пока нет. Впрочем, уже неактуально.

– И что?

– Вы же на машине, поезжайте в офис, я предупредил охрану, что вы приедете, и я хочу, чтобы все было готово к утру.

– А мне хочется спать, – все равно я собираюсь покончить с собой – заодно покончу и с этим говнюком. – И если вы до сих пор не знаете, что звонить людям среди ночи – дурной тон, то пора узнать, вы уже достаточно большой мальчик. А если учесть, что мой рабочий день уже закончен, то документы для вас я начну готовить завтра. И они будут готовы не к половине девятого, а тогда, когда будут готовы, потому что по мановению волшебной палочки я ничего не делаю, это для вас новость?

– Ольга Владимировна, вы хорошо себя чувствуете?

– Как никогда. И если вы намекаете, что в моих услугах больше не нуждаетесь, то так тому и быть. Но я вам в рабы не нанималась, я финансовый аналитик, если вы забыли. Мой рабочий день и так длится шестнадцать часов, я восемь лет без отпуска, у меня один выходной, болею я тоже на работе. И если вы найдете другую дуру, которая станет работать на

таких условиях столько лет – бог в помощь, но вот конкретно сейчас я ничем не могу вам помочь.

– Но это неприемлемо, я просто забыл вам сказать днем, так что же теперь, если завтра они приедут с утра, а я...

– Спокойной ночи, Сергей Станиславович. Заведите себе ежедневник.

Завтра я заберу оттуда свою чашку, оставлю ключи от служебной машины и уйду. Больше никто не будет мной помыкать, никто не станет заставлять меня работать сутками, не будет беспокоить ночными звонками. Я пойду к нотариусу, оформлю собственность, потом к маникюрше – не хочу, чтобы патологоанатом считал меня неряхой, поеду посмотрю на Марконова – и в путь. Хватит с меня этого дерьма!

Я иду на кухню и варю себе какао. Сейчас мне уже не надо беспокоиться о том, что сладкое какао с булочками слишком калорийно – я сто лет не пила его из соображений сохранения более-менее приемлемой фигуры, и булочки принесла только для близнецов, в их телах калории сгорают мгновенно. Но мое тело завтра превратится во что-то малопривлекательное, и его размер будет уже неважен. Уфффф, до чего же вкусно...

– Ма, принеси и нам какао! И булочек!

Это, унюхав запах какао, голосит кто-то из моих троглодитов. Что ж, ребята, я выбрасываю белый флаг – войне конец. Я уже и забыла, как сильно вас люблю – а вы точно забыли, что я когда-то целовала вас на ночь, устраивала вам куколь-

ный театр, пела песни, а вы прижимались ко мне с двух сторон и тихонько сопели. Мы долго воевали – и войну начали вы, но я ее закончу. Я уйду – я вам больше не нужна. Я никому больше не нужна, вот уже скоро двадцать лет. Я очень боялась смерти, когда вы были маленькими – боялась оставить вас одних, беззащитных и слабых. Я делала все, чтобы вы были сыты, одеты-обуты, чтоб у вас было все, что есть у других детей, а то и больше. И я все это вам обеспечивала. Но сейчас вы выросли и всем своим видом и поступками даете мне понять, что я в вашем уравнении совсем лишняя величина – я все надеялась, что это как-то изменится, но оно не менялось и не менялось, хоть бы что я ни делала. И если дома был только кто-то один из вас, я могла побыть ему матерью – каждому в отдельности. И это был мой ребенок – добрый, даже нежный. Но когда вы вдвоем, вы словно соревнуетесь между собой, кто измыслит более изощренный способ причинить мне боль. И мне этого больше не вынести, я не могу больше воевать с вами, и не хочу, потому что я люблю вас обоих так, как никого на свете. Правда, поймете вы это гораздо позже, но поймете непременно.

Теплый душ – наверное, уже последний в моей жизни.

Почему люди кончают с собой? Говорят, что это слабость, эгоизм, бог знает, что еще. Может, это и верно отчасти, но в основном люди уходят оттого, что тупик. Некуда идти, просто – некуда, нет выхода, *no exit!* – и баста, карапузики, уж эта дверь всегда открыта. Церковь, конечно, осуждает – ну, да

Бог сам разберется, я считаю, не такой он дурак, чтобы всех под одну гребенку. Хотя глупо, конечно, от несчастной любви бросаться с моста, но боль сильна, и последнее перышко сломало спину верблюда. Главное, как-то дать детям понять, что это не из-за них, и чтоб никаких траурных маршей на похоронах. Ну, я что-то придумаю, время еще есть.

– Она стрескала все одна, Дэн.

– Да, говорят, у одиноких женщин иногда бывает хороший аппетит. Ай, горячо же! Какао долго остывает...

– Надо ее замуж выдать, что ли.

– И кто рискнет?

– Да... такого камикадзе нам найти не удастся.

Они знают, что я слышу это.

Я не помню, когда это началось. Просто в какой-то момент Матвей, глядя мне в глаза, спросил:

– А что ты мне сделаешь, если я не послушаюсь?

Мои объяснения насчет того, что поступать по-людски нужно не потому, что с тобой что-то могут сделать, а в принципе, не имели успеха. И с того момента они словно испытывают, как далеко могут зайти. Их двое, а я одна.

Я всегда одна. Давно уже. И теперь вот – Марконов. Не самый красивый, не самый молодой, но вдруг мне очень нужный. Я люблю смотреть, как он пьет чай – в огромных, просто промышленных масштабах. Ну, это неудивительно, он чайный король. Я люблю наблюдать, как он смотрит новости или лениво просит: расскажи мне что-нибудь, а я решу, ин-

интересно мне это или нет. И его глубоко посаженные голубые глаза смотрят иронично и весело. Он любит играть в теннис и дразнит меня – женщина с большой спиной в теннис не играет! Он ходит на лыжах и ездит в Швецию на какой-то марафон... А я эту Швецию только на картинках видела. Я вообще все видела только на картинках и рядом с ним чувствую себя дворняжкой, пригретой из милости, – возможно, это так и есть.

Конечно, я этого не показываю, мы же друзья – Марконов делится со мной какими-то своими мыслями и таскает к врачам и в бассейн, иногда я ночую в его гостевой спальне, но это все. И когда мы, попив чаю и поговорив, расходимся по комнатам, он понятия не имеет, что я потом полночи рыдаю. Потому что он меня как женщину не видит вообще, в упор. Я просто хороший друг, а это очень больно, когда любишь.

А дома близнецы. И на работе шеф. И восемнадцать лет назад погиб Клим. И постоянное балансирование на грани гуманитарной катастрофы – главное, чтобы никто не знал, на вид-то у меня все зашибись, остальное спрячем.

И нет ни солнца, ни облаков, ни ветра. Никогда нет, в принципе. Какая там Швеция...

– Люша, ты спишь?

Это Марконов. У него есть собачка – Люша, и когда мы полгода назад начали с ним общаться, он стал называть меня так, а потом я узнала о собачке. Он, конечно, не специально – и собачка живет у его бывшей пассии, хотя он любит

ее... Собачку, в смысле. Хотя, наверное, и пессию тоже. Но я отзываюсь на эту кличку, почему нет? Собаки – милейшие люди, чего обижаться.

– Почти. Только что из душа.

– Все в порядке?

– Ага.

Он никогда не говорит «в порядке» – только «в порядке», но мне нравится. Мне все в нем нравится.

– Давай завтра пообедаем, я заеду.

– Ага, позвони. Я не знаю, где я буду.

Марконов хмыкнул и отключился. Господи, за что мне это? Я вот одного не понимаю: а что, мой план насчет личного счастья у вас на небесах считается чем-то ненормальным, что меня вот так мордой в грязь надо каждый раз махать? Иначе как объяснить тот факт, что за всю жизнь, с тех пор, как погиб Клим, мне ни разу не встретился нормальный мужик? А когда наконец появился Марконов, то я оказалась ему не нужна. Как он говорил: если нет «химии», внутренний мир уже не интересует, а со мной у него этой «химии» нет, хотя мой внутренний мир он регулярно ковыряет в поисках новых впечатлений. Марконову скучновато, а я его забавляю.

Он интересуется моими мыслями по разным вопросам, а мне бы хотелось, чтоб мои сиськи его тоже интересовали. Какая-то «химия» наоборот у нас с ним. Правда, мне совсем не весело от этого, потому что как-то зимой я гостила у него и

вечером намазала ему лицо специальной мазью от трещин – на лыжах он перемерз, и его лицо с немного отросшей щетиной было совсем рядом, я касалась его пальцами, а он сказал: – Спасибо, Люша, ты настоящий друг.

И я, пожелав ему доброй ночи, ушла на свою кровать в гостевую спальню. Я даже плакать тогда не могла. И поняла, что больше не могу это выносить. И пусть теперь шеф звонит, как маньяк, пусть близнецы соревнуются в придумывании для меня новых пыток – завтра все закончится.

Загромыхала музыка – близнецы решили меня позлить. Знают же, что я не выношу этого грохота. Боль в спине становится совсем невыносимой, голова трещит от непролитых слез, в глаза словно кто-то песка насыпал, и очень пить хочется, но встать тяжело – спина очень болит.

– Ладно же.

Я сползаю с кровати и на четвереньках отправляюсь на кухню. Когда у человека межпозвоночная грыжа, он часто передвигается вот так, а у меня эта самая грыжа и есть, и иногда я тоже ползаю под смехи близнецов. Да, они правы, труд сделал из обезьяны человека, а из меня – четвероногое. Как вышло, что им весело, когда мне больно? Я не знаю. А теперь оно уже и неважно.

Чашка стоит на столе, и до нее нужно дотянуться – но боль в пояснице настолько сильная, что подняться я не могу, а рука не достает. Вот так если, чуть-чуть...

Кто-то очень умный изобрел неразбивающиеся чашки.

Музыка грохочет в висках, чашка на полу, а боль в пояснице пронизывает все тело. И хочется пить. И некуда идти, тупик. Просто некуда идти.

Я склоняюсь на табурет, опираюсь об него грудью – и поднимаю чашку. Только пользы никакой, до крана я не дотянусь, надо встать, а встать я не могу. Там, на полке, лекарства – и до них я дотянуться не могу. А мне нужно быть на ногах, завтра – обязательно. Много дел перед смертью накопилось, вот что.

В дверь звонят неистово и долго – но я не могу открыть. Музыка гроыхает в каждом ударе сердца, стены плывут, я словно на карусели – и тошнит так, словно токсикоз начался или мармеладку съела. И звонок в дверь рвет мне мозг в клочья.

– Дэн, открой, что ли, – маман объявила забастовку.

Я слышу Денькины шаги, потом щелкнул замок, слышен голос соседки – она кричит, Денька что-то ей отвечает, но все это словно сквозь вату. А потом меня вырвало, из носа хлынула кровь. Я не знаю, что со мной – возможно, Бог меня услышал и решил не доводить до греха, забрать как есть.

– Мать, ты что?.. Дэн, брось эту суку и тащи сюда свою задницу!

Матвей пытается меня поднять, но боль в спине становится совсем невыносимой.

– Не надо... Иди к себе, сынок, я сама.

– Мам, ну ты что?

– Иди, идите оба к себе, я...

Близнецы поднимают меня, Денька вытирает лицо мокрым полотенцем.

– Мам, ну ты что это?..

– Надо «неотложку» вызвать, – Матвей испуганно смотрит на меня. – Дэн, будь с ней, я сейчас...

– Не надо. Идите оба к себе, я сама.

– Ага. Ты все сама.

Боль в спине тяжелая и густая, дышать нечем, и мир вокруг отчего-то серый и кружится.

– Едут уже, давай перенесем ее в спальню.

– Мэтт, у нее спина снова болит, как перенесем?

– Неси дачный матрац.

– Эй, ребята, вы меня слышали? Идите к себе, я в порядке.

Меня никто не слышит. Матвей кладет на пол дачный матрац, живущий у нас на балконе – все не отвезем никак. Они поднимают меня на матраце и тащат в спальню. В дверь звонят.

– Быстро приехали.

А мне уже плевать – голова кружится и снова тошнит. И кровь из носа хлещет очень противно, и все бы ничего, если б не спина, в которую словно кто-то вогнал нож и теперь ворочает его в ране.

– Гипертонический криз. – Молодой врач снимает с моего плеча черную манжету. – Ира, магнезию давай и димедрол. Вот, откройте рот, таблетку под язык.

– Обрушим ведь, Слава.

– Не обрушим, верхнее – сто восемьдесят.

Близнецы растерянно топчутся у двери.

– Что еще беспокоит?

– Поясница болит... Но это постоянно, просто сегодня сильно.

– Тяжести потаскали? Блокаду сейчас нельзя.

– И не надо.

Мир перестал кружиться, но пить хочется по-прежнему.

– Воды ей принесите, она пить хочет, – врач исподлобья смотрит на близнецов. – Два здоровых лба, а мать сумки на шестой этаж таскает?

– Доктор... не надо. Я справляюсь.

– Да я вижу, как вы справляетесь. Дышите, сейчас будет горячо.

От укола стало горячо даже кончикам пальцев.

– Вот, вода...

Какое блаженство – выпить воды.

– Значит, так. Вставать нельзя, завтра лежать, придет участковый врач.

– Но я на работе...

– Все на работе, дадим больничный.

Он не понимает, этот врач. Там, где я работаю, оправданием для неявки на работу может быть только смерть. Впрочем, я завтра собираюсь умереть – не пойду на работу. А к нотариусу надо. И к Марконову тоже. Я должна еще раз по-

смотреть на него. Услышать его голос. Просто побыть рядом с ним – еще раз, последний.

– Дети, идите спать.

– Идем, Дэн. Она все сама, видишь?

– Мам... Тебе надо что-то?

Мне надо перестать дышать, потому что жить больно. Но как я тебе об этом скажу, малыш? Ты еще хлебнешь горечи полной ложкой, пусть это будет твой обычный вечер – он у тебя тоже последний, надолго. Потом забудется, но не сразу.

– Там... кукла моя. Из детства.

– Ага, Ляля-пылесборник.

– Пусть там и сидит, не выбрасывайте.

– Мам, да мы и не собирались, ты чего?

– Ничего, иди спать, сына. Идите оба, завтра в институт рано, потом на работу...

Они сильные, выплывут. Через год уже диплом, работа есть, жилье тоже. Выплывут и без меня, а мне пора. Я устала, граждане. Мне слишком больно стало жить.

Утро началось со звонков – шеф, видимо, оценил все прелести моего отсутствия на работе.

– Я заболела.

– Что, настолько заболели?

– Ну, если гипертонический криз накануне ночью и воспаление в пояснице – это недостаточно, тогда я увольняюсь.

– Я привезу вам документы и подожду, пока вы сделаете.

– Как скажете. Только у домофона вам придется подождать – я с трудом передвигаюсь.

– Я понял, подожду.

Видимо, идея уволить меня не кажется ему привлекательной, и я его понимаю. Ведь вместо меня ему придется нанять троих, а то и четверых – молодых, энергичных, не знающих понятия «энтузиазм» и выполняющих свои обязанности строго в рамках должностной инструкции. И они все равно не смогут делать то, что делаю для него я – вот уже скоро девять лет. Быстро же он обернулся, видимо, совсем горит.

Я подползаю к домофону, опираюсь о скамеечку в прихожей и дотягиваюсь до кнопки. Теперь еще замок открыть... Черт, голова-то как кружится, и снова кровь из носа! Гадство!

– Что...

Шеф едва не споткнулся об меня, испуганно отпрянул,

выронил папку, разлетелись файлы. Бестолочь...

– Ольга Владимировна, вы... Черт побери, у вас кровь!

Я ничем не могу тебе помочь. Я и себе ничем не могу помочь – мне очень плохо, так, как никогда не было, и я совершенно ничего не могу с этим поделать. Доктор вчера выписал рецепт, но сходить за таблетками некому. Да и незачем уже, собственно. Завтрашнего дня у меня все равно не будет, так нечего и деньги на аптеку тратить, пусть детям останутся.

Он пытается меня поднять, но спина болит так, что в глазах темно. Господи, да забери ты меня уже отсюда, и все! Зачем ты меня мучаешь?

– Твою мать... Не трогайте меня, мне двигаться больно!

– Но как же...

– Я сама.

Я опираюсь о скамеечку и поднимаюсь на четвереньки. Мне плевать, что я жалко выгляжу в глазах этого холеного зажранного сукина сына – я живу последние сутки, пусть потом думает что хочет.

– Ольга Владимировна, что мне сейчас сделать, как помочь?

– В ванной полотенце, намочите и принесите.

Добравшись до кровати, я влезая на нее и замираю. Пульсирующая боль в пояснице потихоньку унимается, голова перестает кружиться, обои снова бежевые, а не серые.

– Вот, полотенце... Может, водички?

– Может, и водички.

Дети убежали, не оставив мне попить – ну, тут удивляться нечему.

– Вот, куда поставить?

– Я попью. Очень пить хочется.

Он садится на кровать и приподнимает мне голову – боль в пояснице туманит глаза. Но пить хочется зверски. Правда, зря я так приложилась к чашке, потом ведь в туалет ползти, а это тяжко.

– Я и не подозревал, что все так плохо...

– Ага, чистой воды симуляция. Где документы?

– Да бог с ними, я...

– Давайте сюда и посидите тихонько, желательно – в соседней комнате. Ноутбук мне подайте.

Он испуганно смотрит на меня. Я никогда не позволяла себе с ним так разговаривать, он понятия не имел, что я живой человек, а не робот, и для него сейчас разрыв шаблона происходит очень болезненно. Он вдруг обнаружил, что он – тоже живой человек. А это больно и неприятно – для такого, как он, потому что где-то в заграничном заведении его научили, что люди – это только те, у кого есть деньги, остальные так.

– Ступайте, мне нужно полчаса, максимум минут сорок. Можете телевизор посмотреть или чаю себе налить, но не мешайте мне.

Он смотрит на меня с какой-то непонятной миной – ну, чего уставился? Да, я без макияжа, в пижаме, с растрепан-

ными волосами, я ни хрена не могу передвигаться и, блин, я сегодня собираюсь умереть – но это ничего не меняет в том, что я сейчас сделаю, тебе нужны документы – ты их получишь.

– Это рецепт?

– Да, врач из «неотложки» вчера выписал.

– А кто вам купит лекарства?

– Никто. Как смогу передвигаться, куплю сама. Не мешайте мне.

Он выходит, я слышу, как возится в прихожей – правильно, иди, погуляй на улице, твое присутствие меня тяготит. А документы требуют внимания, да.

– Это ваши ключи? Я возьму.

– Берите что хотите и не мешайте мне.

Цифры – это то, что я ненавижу. Они слишком логичные, но правила, которым они подчиняются, холодные и безжалостные. Цифры сводят мир к колонкам расчетов, и я смотрю на них, как на врагов органики, но мне нравится загонять их в стойло. Нет, ребята, мою жизнь вы не станете выстраивать, я вашим правилам не подчиняюсь. Вот видите, я знаю, где подвох, хотя его пытались спрятать за красивыми формулировками, но слова – враги цифр, их полная противоположность, потому что слова могут жить как хотят, а цифры – нет, только по строго определенным правилам, на этом и палятся, по сути.

Я отправляю расчеты и документы шефу на электронный

адрес и закрываю ноутбук. Я давно знала, что этот день придет – выбросила старые вещи, навела порядок в ящиках и шкафах, заплатила в похоронной конторе за их услуги, чтобы детям не пришлось этим заниматься. Рядом с Климом есть место и для меня, и я всегда знала, что буду там. И вот время пришло. Ноша стала слишком тяжелой, а смысла тащить ее я уже не вижу.

– Я вам все отправила по почте, остается только распечатать.

Он молча кладет на столик аптечный пакет.

– Выздоровливайте.

Смотрит на меня как-то странно, и мне хочется, чтобы он ушел. Я не привыкла быть слабой, я не привыкла, чтобы кто-то видел, что мне хреново, и я не хочу, чтобы он жалел меня, а этим он сейчас, похоже, и занимается.

– Вы одна живете?

– С детьми. Они в институте, потом на работе.

– Такие взрослые?

– Достаточно взрослые, чтобы обходиться без меня. Я родила их очень рано, но это как раз хорошо, потому что успела поставить на ноги. Там прочитаете ввод, забавно получается. Сергей Станиславович, спасибо за лекарства, деньги я вам верну, и...

Он снова садится рядом. Я очень хочу, чтоб он ушел, а он сидит и смотрит на меня.

– Я всегда считал вас негибимой железной леди.

– Ну и?

– А вы так больны, я понятия не имел.

– Это никак не влияет на мою работоспособность. Ну, почти никак.

– Я понимаю. Ольга Владимировна, если что-то нужно – может, врача, может, еще какие-то лекарства, – я готов помочь.

– Нет, спасибо, вы уже помогли. И если принесете мне еще воды, вообще будет замечательно.

Мне не нужен врач – от смерти меня никто не вылечит. Мне просто очень хочется, чтобы он ушел и дал мне возможность сделать то, что я собираюсь.

– Вот... Ольга Владимировна, я надеюсь, вы скоро поправитесь – потому что без вас у меня началась какая-то катастрофа, никто ничего не может сделать как надо, никто ничего не может найти, все кивают на вас – только вы знаете, где и что, и я начинаю думать о том, что мало ценил ваш труд. Поправляйтесь и возвращайтесь, а если что-то надо – звоните мне, я все решу. Пожалуйста, не стесняйтесь – не надо все пытаться разрулить самостоятельно.

– Да, спасибо.

Мне все равно, что ты сейчас говоришь. Ты уйдешь в свою жизнь, где будут женщины, поездки за границу, лыжи в Альпах, какие-то далекие тропические острова – а я останусь здесь, и боль не пройдет. Бог с тобой, ступай, не надо этих слов, ничего уже не надо. Я сегодня уйду – туда, где мне дав-

но уже место.

– Ольга Владимировна, что с вами происходит?

– Не понимаю.

– Вы не слышите меня, и вид у вас...

– Да, я без макияжа. Идите, Сергей Станиславович, вас ждут дела. А я постараюсь поскорее вернуться в строй, чтобы не подводить вас и фирму.

– Вы просто возвращайтесь, потому что не дело – так болеть.

Можно подумать, что меня хлебом не корми – дай поболеть! Уходи, ты мешаешь мне. У меня есть планы на сегодня. Скоро придет Римма – делать мне маникюр и педикюр, я собираюсь произвести самое лучшее впечатление на патологоанатома.

– Олька, ты что-то должна пить, лекарство какое-то, или вообще что-то делать – ты скоро ходить не сможешь.

Я уже не могу ходить, только на блокаде передвигаюсь – но об этом никому знать не надо.

– Да ничего, пройдет. Римм, ну реально очень дорого лечить все это. Мальчишек одеть-обуть, за обучение заплатить...

– Да, мои хоть по очереди росли, а твои одновременно.

Я очень люблю Римму, мы дружим уже лет десять – а началось все с похода в салон за маникюром. Кто бы что ни говорил о социальных ступеньках, это чушь, и мы с Риммой тому подтверждение. Она красивая, умная, очень позитив-

ная тетка – у нас с ней разница в семь лет, ей уже под полтинник, но кто это скажет? Фигура гибкая и тонкая, густые пепельные волосы и огромные голубые глаза на смугловатом лице. Женщине столько лет, сколько она заслуживает – Римма заслужила свою молодость, одна подняв двоих пацанов. У нас много общего, и ей я могу рассказать почти все. Но не то, что касается Марконова – это я даже сама с собой обсуждать не могу. Мне больно и плохо от мысли, что я для него недостаточно хороша, моя самооценка страдает – но дело не в этом. Дело в том, что я люблю его. И надежды у меня нет, даже тени надежды.

– Римуль, там деньги в шкатулке.

– Все, Оля, закончили дебаты. Лечись.

Мы с ней все время спорим об этом – я считаю, что должна платить ей за работу, а она считает, что, раз я ее подруга, то ничего ей не должна. В общем, здесь мы с ней не сходимся.

– Я заскочу на той недельке, чайку попьем.

– Ага.

Ты не увидишь меня больше – и я тебя тоже, но оттуда, куда меня сегодня забросят, возможно, будет видно многое. А сейчас мне нужно сделать себе блокаду и поехать к нотариусу, уже готовы документы. Мальчишки не пропадут, потом продадут квартиру, и все. За обучение я заплатила наперед, и так денег им хватит – инструкции я им оставила, найдут. В общем, меня здесь никто и ничто больше не держит. Оставлю машину на стоянке перед офисом, ключи отдам охране –

и все, граждане, больше я вам ничего не должна.

– Давайте еще раз проговорим условия. Вы завещаете все детям в равных частях?

– Да. Где подписать?

Все просто, завещание оставляю вместе с инструкциями и банковскими карточками, и в путь. Такси везет меня домой – мне нужно все подготовить, чтобы дети разобрались. Вот, все на виду, пойду руки помою и переоденусь. Успела сварить детям суп, придут – поедят, а то ведь знаю я их, снова будет сухомятка. И уколиться бы не мешало – блокада отходит все быстрее, и все больше лекарства надо с каждым разом. Ну, это тоже уже в последний раз.

– Люша, ты где?

– Дома.

– Я заеду, выходи. Буду через десять минут.

Что ж. Это последние десять минут, которые я проведу у себя в квартире. Мы ее купили с Климом – когда поженились. Он так гордился, что обеспечил нас жильем, а я бы жила с ним даже в сарае, мне было все равно, где – но потом родились близнецы, и оказалось, что своя квартира – это очень кстати.

И я была здесь счастлива почти четыре года.

А потом Клима не стало, и свет погас. Счастье закончилось, осталось то, что есть сейчас: работа, боль, балансирование на грани финансовой катастрофы, и никакого просвета впереди. И пусть бы оно и дальше так было, но надо же та-

кому случиться – я повстречала Марконова и с головой нырнула в любовь. Не знаю, как так получилось.

Марконов ездит на темном внедорожнике – не самом новом, он начисто лишен понтов и фанфаронства, то есть как раз того, что я ненавижу в мужиках.

– Куда поедем обедать?

– Да по времени скорее ужинать – шестой час. А куда угодно поедем, неважно. Решай сам.

– Ну, как обычно. – Марконов улыбнулся, морщинки вокруг его глаз стали заметнее. – Люша, ты чего кислая, снова спина болит?

– Ага. Уколола блокаду – вот, функционирую потихоньку.

– Откинь сиденье, сидеть-то тебе плохо. Ты безответственно относишься к себе. Надо же что-то делать!

Я как раз и собираюсь что-то с этим сделать, но тебе не понравится то, что я планирую. А потому я сижу и молча смотрю, как он ведет машину в городском потоке. Его руки на руле, такие ухоженные, уверенные, и он так хорошо пахнет. И я люблю смотреть на него – мне все в нем нравится.

Он заботится обо мне – возит к докторам, добывает лекарства, интересуется моей жизнью. Мы вместе ходим в кино или смотрим его в Интернете. Мы читаем стихи или говорим о политике, живописи, бог знает, о чем еще, и я не знаю, отчего он это делает, но больше никак я его не интересую, совершенно. И я это понимаю, и было бы лучше, если бы я не знала его совсем.

– Десерт?

Он всегда спрашивает, а я всегда отказываюсь, но не сегодня.

– Ага, горячий шоколад с миндалем.

– Диете конец?

– Да ну ее, сколько той жизни, а половой – еще меньше.

Марконов улыбается – он сам никогда не говорит ничего подобного и вообще не позволяет себе на что-то такое даже намекать. Он пьет чай, а я смотрю на него и думаю – нет, он не похож на Клима, но вместе с тем ощущение рядом с ним точно такое же. Надежность, защищенность и тепло. Видимо, я просто слишком долго была одна.

– Люша, что ты задумалась?

– Ничего, Виталик. Спасибо, что вытащил меня сюда, обед замечательный.

– Скорее ужин, но ты права, кухня здесь и впрямь хорошая. Тебе надо больше отдыхать, ты выглядишь замученной.

– На том свете отдохну.

Это наш обычный диалог, но сегодня у него иной смысл. Я собираюсь отдохнуть, очень надолго. Сегодня. Я люблю тебя – и это не вместо Клима, это рядом. Он не будет в обиде – за все годы, что его нет со мной, ни один мужчина не прикоснулся ко мне. Я просто не могла себе этого даже представить... и вот теперь – Марконов.

– Давай на неделе свезу тебя в бассейн, поплаваешь.

– Ага.

Я могу быть с ним долго – я люблю смотреть на него, слушать его, мне нравится, как он читает свои бумаги или говорит по телефону, нравится, когда он выходит из душа после тенниса – обернув бедра полотенцем, идет на кухню, делает себе протеиновый коктейль с авокадо и бананами и пьет его, просматривая биржевые сводки, а я мою чашку блендера и слушаю его недовольное бухтение насчет каких-то неправильных действий непонятно кого. Мы можем целую неделю жить в его квартире, и я не знаю, тяготит ли его мое присутствие, но я, отчаянно скучая по близнецам, тем не менее все время думаю: скоро домой, еще день прошел.

Слава богам, Марконов об этом не знает.

– Ты на работу?

– Нет, отвези меня в «Афины».

Это торговый центр совсем рядом с нужным мне местом. Машину-то я отогнала на стоянку фирмы, чтобы у близнецов не было проблем с шефом, и сейчас мне надо добраться до нужного места, а боль потихоньку возвращается, вливается в спину, и скоро мне будет невозможно ходить, дышать и думать. И к тому времени я должна быть там, где надо, – на шаг в пустоту меня в любом случае хватит.

Марконов выруливает на проспект – Александровск город крупный, но проспект здесь только один.

– Смотри, это Денька!

– Как ты их различаешь? Сейчас остановлюсь.

Денька покупает в ларьке воду. Как я отличаю? Да их

невозможно спутать, они очень разные, просто похожи. А люди путают.

– Дениска!

– О, мам, а ты как тут?

– Обедать с Марконовым ездила. Ты кушал?

– Не успел, а потом купил булку, но...

– Вот, денежку возьми, купи покушать. Там дома супчик свежий, я сварила, покушаете.

– Ты как, мам?

– Ничего, блокаду уколола – пока жива.

Я обнимаю его, и он послушно наклоняет ко мне голову – запах его волос, такой родной и знакомый, и сопит он почти так, как в детстве.

– Ну, ты что, мам...

– А ничего. Люблю тебя очень. Ты и Матвею купи покушать, вот, забирай деньги, не голодайте там...

– А ты?

– А мне не надо уже, я пообедала. Бери, сыночек, ничего.

– Мам, ну ты не задерживайся – тебе доктор велел лежать и отдыхать.

– Ничего, сыночек. На том свете отдохну.

– Я пойду, а то Мэтт там...

– Ага, иди.

Мне хочется побыть с ним рядом еще – но у него своя жизнь.

– Ну, ты даешь, мать. – Марконов выруливает на про-

спект. – Тискаешь взрослого парня прямо на улице.

– Мой ребенок, хочу – и тискаю.

Марконов хмыкнул и умолк.

Нет, то, что я сделаю, – не из-за него. Не полностью из-за него, это уже просто последняя капля. Я много лет бреду босиком по камням зимой против ветра и просто больше не могу. А главное – больше уже и не надо. Я выполнила все, что должна была сделать, и за много лет не помню ни одного радостного или спокойного дня. Постоянный страх потерять работу, постоянно надо думать, где взять денег, постоянно их недостаточно, постоянно одна – везде, во всем. И Марконов. Нет, он не виноват, что не любит меня – разве можно за такое винить? Это все я сама. Но мне очень больно.

– Все, приехали. Люша, с тобой все в порядке?

– Ага. Езжай, Виталик, спасибо за обед и за то, что подвез.

– Созвонимся.

Да, конечно, созвонимся. Я улыбаюсь этой мысли – а было бы забавно провести телефонную связь **оттуда**.

– Ты мой самый лучший друг.

– Ты у меня тоже. Люша, все нормально, правда?

– Да все хорошо, Виталик. Это я так чего-то...

Не могу же я тебе сказать, что сейчас выйти из машины и закрыть за собой дверь – самое тяжелое дело. И не только потому, что блокада почти отошла и боль залила мне спину тяжелым раскаленным свинцом. Но еще и потому, что я хочу коснуться твоих волос, провести ладонями по твоим щекам,

заросшим светлой щетиной, еще раз увидеть твои иронично прищуренные глаза, я хочу... Да мало ли, чего я хотела в жизни. А ничего не получила, только боль, тяготы и ношу, которая мне уже не по силам.

Я выхожу из машины и иду к аптеке – нужно купить таблеток, чтобы дойти до моста.

В Александровске есть огромный мост, сверху он железнодорожный, нижний ярус для автомобилей, пешеходов и самоубийц. Высотой метров двадцать, внизу плещется река, и если упасть с такой высоты, то умение плавать никого не спасает.

Таблетка действует медленно – но действует, и я осторожно продвигаюсь в сторону моста. Уже темнеет, хоть сейчас начало апреля, неважно – темнеет еще довольно рано. Я задержалась у нотариуса, потом с Марконовым, но мне так было надо, не бросаться же вниз прямо на глазах у сограждан, это дурной тон. Боль тянет меня к земле, и мне очень хочется встать на четвереньки, но это в любом случае неудачная идея. Давай, делай шаг, еще шаг – нечего отлынивать, хватит с тебя этого дерьма. На Капустинском кладбище найдется местечко и для меня, там и отдохну.

Мост возвышается серой громадиной, пешеходные дорожки пусты. Нет, можно было бы, конечно, наестся таблеток и спокойно уснуть, но я не хочу, чтобы дети нашли меня мертвой. Я не хочу, чтобы моя комната ассоциировалась у них с моей смертью, а так Денька или Матвей станут там

спать – я сменила постельное белье, все убрала, освободила шкафы. Минимум хлопот, и так им будет удобнее, им давно уже тесно в одной комнате.

Я останавливаюсь посреди моста и прячусь в нишу, достаю свои сотовые и отключаю их. Уже почти совсем стемнело, и это хорошо – мне не будет видна пропасть, в которую я сейчас шагну. Машин мало, основной поток направляется через плотину, что выше по течению, а по мосту водители едут неохотно – узко, часто пробки. И так уж получается, что здесь вечерами пусто. Что ж, граждане, пожалуй, мне пора.

Я подхожу к перилам моста – блин, больно-то как! От спасительной блокады одна лишь боль воспоминаний еще живет в душе моей, ага. Ну, сейчас все закончится. Нужно просто сделать шаг. Я берусь руками за перила и стараюсь поднять ногу, чтобы перелезть – но это не так просто, как я думала, спина болит зверски, и все, что я сейчас могу сделать, – это просто перевесить тело вниз и упасть, и это, похоже, выход. Во всех смыслах. Так, еще раз: документы и письмо у меня в комнате, на видном месте. Все вопросы с погребением тела я решила и оплатила, равно как и внесла плату за обучение близнецов до конца, наперед. Ну, и все, я свои дела здесь, похоже, закончила.

Перила холодные, и вода внизу обещает быть ледяной, но это к лучшему – когда найдут тело, от него должно остаться достаточно, чтобы опознать. И если я нагнусь еще ниже, то...

Пропасть потянула меня, и я, закрыв глаза, нырнула вниз

— но чьи-то руки хватают меня и тащат назад, и боль в спине настолько невыносимая, что в глазах разливается тьма, но я из последних сил вырываюсь и лечу вниз. Увидимся, ребята, потом. Всех люблю, всем удачи.

– Проклятая идиотка, только и дела мне, что ловить тебя!
Едва сам не сверзился вниз!

Это не совсем похоже на приветствие святого Петра, и вообще это место не похоже на рай или ад, к тому же тоннеля тоже не было, и у меня ощущение, что произошло крупное мошенничество и я все еще среди живых, хотя в упор не понимаю, как такое могло случиться.

– Не молчи, давай, говори что-нибудь!

Кто-то отвечает мне пощечину, и я начинаю думать, что все-таки попала в ад. Боль в спине совершенно адская. Я не могу пошевелиться, но одежда на мне сухая, а сама я жива. Но как?!

Я открываю глаза – я лежу на заднем сиденье внедорожника, а надо мной возвышается громадный мужик, заросший какой-то несусветной бородой, пахнущий непонятно чем – не то рыбой, не то дымом, и ругает меня каким-то совершенно ультрафиолетовым басом.

– Очнулась? Все, выметайся.

Он дергает меня за ноги, боль стреляет мне в голову, и я оказываюсь около машины. Стоять я не могу, а потому просто опускаюсь на землю.

– Делать мне больше нечего, только всяких идиотов с моста вытаскивать.

– Ну и не вытаскивал бы, просила я тебя? Как мне сейчас назад вернуться, ползти, что ли?

Хотя отчего бы и не ползти, целостность моих колготок патологоанатома точно не интересует.

– Поднимайся, чего валяешься?

– Иди ты на хрен. Если б я могла подняться, мне с моста прыгать бы не пришлось. Отвали, самаритянин. Ну, что за гнусное местечко – наш мир, умереть спокойно, и то нельзя. Перенаселение, мать твою. Казалось бы – не Китай, но стоит только оказаться в нужном месте в нужное время – и на тебе... Езжай, куда ехал, мне твоя помощь не требуется.

Я осторожно делаю попытку ползти на четвереньках, но проклятый асфальт царапает мне колени. И холодно...

– Эй, ты что?

А ничего. Так, как я сейчас зла, не злы даже все демоны ада.

– Ты думаешь, это легко – стоять там и сделать это? Ни хрена это не легко. Но я стояла, хотя, видит бог, не могу. И у меня все получилось бы, если бы не ты. Я была бы уж там, где не болит спина, где ничего не болит, где никто тебя не пинает только оттого, что в свой почти сороковник я ни хрена не найду новую работу – не берут теток моего возраста на нормально оплачиваемую работу, хоть семи пядей во лбу имей, только уборщицей можно устроиться, и то проблема. Чего ты влез? Езжай, какое твое дело, что я собиралась сделать! Возьми домой бродячего кота, самое отличное благое

дело, а меня оставь в покое, тебе что, делать больше нечего было?!

Проклятый асфальт такой колючий, и мои колени уже сбиты в кровь, а до моста еще далеко – он зачем-то отъехал от него, и мне понадобится большой кусок ночи и вся моя кожа на коленках, чтобы доползти до него. Надеюсь, мне это зачтется.

Он поднимает меня с асфальта очень легко, словно я не вешу почти восемьдесят килограммов, и засовывает на заднее сиденье машины.

– Психопатка какая-то... Ладно, сейчас все порешаем.

Каждая трещина в асфальте вспыхивает пучком боли в моем теле. Каждое движение, все, что со мной сейчас делают – несут, везут, переворачивают, – все не дает дышать, и я не знаю, где нахожусь, и не хочу знать, потому что боль пульсирует в теле, и такой боли нет места под солнцем, она спряталась в меня, вся без остатка.

– Огромный отек в районе поясницы, грыжа межпозвоночного диска, воспаление настолько сильное, что оперировать ее опасно. Как она передвигалась, я представить себе не могу. Плюс давление – неизвестно, что за препараты она себе колола, чтобы унять это – на ягодицах видел следы, в районе поясницы тоже, и что она принимала, одному богу ведомо.

– Так спроси.

– Она сейчас ничего не скажет. Представь себе, что тебе

в поясницу воткнуты острые ножи – штуки четыре, и кто-то их одновременно поворачивает – это очень приблизительное ощущение по сравнению с тем, что сейчас испытывает эта бедолага. Где ты ее взял? Колени сбиты.

– С моста снял. Еле сумел удержать, отбивалась, как бешеная, потом сознание потеряла.

– Чтоб при таком отеке отбиваться, надо очень хотеть умереть. Кто она?

– Да я-то откуда знаю? Я только вернулся из отпуска, только в город въехал – и на мосту выхватил фарами эту штучку. Еле успел, минута решала. Лень, спроси у нее сам. А лучше посмотри ее сумку, там могут быть документы.

– Ну, ты как всегда. Дай...

Они роются в моей сумочке, что-то упало и покатилося – похоже, косметика рассыпалась, и мне совершенно не нравится, что они роются в моих вещах. Одно дело, если бы я умерла, но совсем другое – когда я еще жива.

– Так, Одинцова Ольга Владимировна, через четыре месяца ей будет сорок лет. Финансовый аналитик, фирма «Оскар». Это случайно не...

– Ну, да. Фирма моего дражайшего папаши. Брат там управляет всюю, и эта цыпа – его финансовый аналитик?

– Валерка, ты влип.

– Вы, два болвана, немедленно прекратите рыться в моей сумке.

Боль отступила. Каким-то волшебным образом она ушла,

совершенно, и я этому рада – но я все так же далеко от цели, как и час назад. Никогда не думала, что смерть – такое трудное дело. Хотя, с другой стороны, если жизнь – трудная штука, то избавление от нее тоже не сахар, это логично.

– Смотри, ожила.

– После этого коктейля они все оживают. Но ненадолго.

А мне и не надо надолго – ровно на столько, чтобы я смогла снова добраться туда, где я в итоге и собираюсь оказаться.

– Даже не думай.

У него какая-то абсолютно разбойничья борода, а я терпеть не могу, когда у мужика на лице растительность – ну, кроме легкой щетины, как у Марконова по утрам. И голос густой, как... как сливовое варенье. И пахнет он...

– Мне пора. – Я пытаюсь встать. – Я должна идти.

– Ну, да, пора. Лежи и не двигайся.

Это врач – в зеленой пижаме, низенький – или просто рядом с бородатым бандитом выглядит низким, светловолосый, с хвостиком на затылке и серьгой в ухе. Медицина, похоже, сейчас тоже продвинутая – по крайней мере, по части моды.

– Останешься здесь, сейчас переведем тебя в палату, а утром придет Круглов, посмотрит тебя более предметно, вот тогда решим, что с тобой делать.

– Вы не имеете права задерживать меня здесь.

– Однозначно. Да только деваться тебе некуда. Как только я вытащу у тебя из руки вот эту волшебную иголку, через

полчаса, а то и раньше, тебя скрутит по-прежнему.

И правда, из руки тянется трубка, соединенная с капельницей. Это я как-то выпустила из виду. Впрочем, полчаса мне хватит.

– Если будешь дергаться, попытка суицида будет занесена в карточку, и утром тебя посетит наш психиатр.

– Твою мать...

– Вот и я об этом. Кому сообщить, что ты здесь?

– Никому.

Они переглядываются и выходят. Сумка моя здесь, и если я сейчас выдерну иголку, то вполне могу успеть... но я не знаю, где я, и денег у меня с собой ни копейки. А, неважно. Выйду и сориентируюсь, но здесь я не останусь ни за что. Они не имеют никакого права меня здесь удерживать, болваны. Поймаю такси, там должны оставаться какие-то деньги.

– Далеко собралась?

Он не собирается отвалить, похоже. Есть такой типаж – школьные активисты, они во все суют свой нос, мешая людям жить и умирать так, как им самим удобно. Эти товарищи считают, что есть два мнения – их и неправильное, и стремятся исправлять мирское зло с упорством маньяков. Меня подобные граждане всегда раздражали, и этот тоже раздражал бы, только на это нет сил.

– Я позвонил твоим сыновьям, они уже едут.

– Сукин ты сын, гореть тебе в аду за это.

– Это почему же?

– Это потому, что им нужно будет сегодняшний вечер пережить еще раз – когда я выйду отсюда и снова буду там, где ты меня взял. Они же дети еще, я ведь постаралась все сделать с минимальными для них неудобствами, и не надо было им звонить, они и знать не должны были, что...

– Ты спятила?

– Иди к черту!

– Не была бы ты сейчас так больна, я бы тебе такую затрепину выдал – голова бы отлетела.

– Действуй.

Он яростно смотрит на меня, но мне все равно – я просто хочу собраться с силами, встать и уйти отсюда, и злость мне поможет преодолеть боль.

– Круглов едет сюда, синяк будет смотреться непрезентабельно.

– Да не стесняйся, чего там.

– Дура!

– От такого слышу!

Марконов совсем не такой. Он бы, наверное, тоже ругал меня – но ему, по большому счету, скорее всего, наплевать на меня – живу я или умру, найдет себе другую говорящую игрушку. А этот прицепился, как банный лист. Стоп. А где он взял телефоны детей?

– Ты рылся в моем сотовом?!

– Смешно ты их обозначила: Ребенок-1 и Ребенок-2. По старшинству, что ли?

Матвей старше Дениса на пятнадцать минут. Мы с Климом очень долго думали, как назвать мальчиков, учитывая, что мы ждали девочек, а потому они две недели были у нас просто пронумерованы. Потом Ребенка-1 назвал Клим, второго – я. Денисом зовут одного моего хорошего друга, и мне хотелось, чтобы Ребенок-2 был таким же классным, как его тезка.

– Ну, и чего тебе не хватало в жизни, финансовый аналитик?

– Не твое дело.

Я лихорадочно соображаю, что мне сейчас делать, пока здесь не появились дети, потому что я больше не выдержу войны с ними.

– Конечно, она о нас позаботилась. Даже супа сварила.

– Ага, как всегда. Смотри, Мэтт – вполне жива.

Они всегда производят на неподготовленные умы очень сильное впечатление, мои мальчики. Красивые, очень стильные, очень продвинутые – и абсолютно безжалостные.

– Мать, ты вообще в своем уме? – Матвей иронично щурится. – Что это была за демонстрация невиданной истерики?

– Она решила все сама, за нас тоже – как всегда.

– Да. Похоронную контору даже оплатила. Ты видел это, Дэн?

– А то! И я...

– А ну заткнитесь, сопляки!

А потом произошло нечто, чего я не успела предотвратить. Огромный бородастый мужик как-то очень быстро – я не заметила даже, как успел, – отвесил тяжелые подзатыльники моим детям. Какой-то мудака посмел прикоснуться к моим детям, и Денька даже упал!

Я только и смогла, что рвануться и оттолкнуть его, игла выскочила, перевернулась капельница, я прикрыла своего ребенка, а он сидит на полу и недоумевающе смотрит на ударившего его агрессора. Да я сама никогда не была своих детей, и вдруг – такое!

– Не смей бить моих детей, троглодит! Роды своих, вырасти и лупи, а к моим не смей прикасаться, я тебе сердце вырву, сукин ты сын! Сыночка, ты как?

– Да ничего... Мам, ты ложись, что ты вскочила? Смотри, снова кровь!

Кроме крови, вернулась и боль. Много боли, тупой, тяжелой, не дающей дышать.

– Что здесь происходит?!

Еще один огромный мужик с басовитым голосом, в зеленой пижаме, но без серьги в ухе.

– Почему валяется капельница? Почему больная на полу? Почему здесь посторонние? Кто разрешил волновать больную, почему она до сих пор в этой одежде, почему не обработаны ссадины на коленях?

Он громыхает где-то вверху, а я сжимаю руку Дениски,

прижимаюсь к его волосам, целую лоб, и он знакомо пахнет, и его глаза растерянные и испуганные. И заплаканные, хоть он и старался их осушить какое-то время назад.

Меня поднимают, снова подсоединяют к капельнице, что-то колют.

– Переверните ее.

Боль уже не такая сильная, но все равно.

– Утром готовьте на операцию.

– Валентин Семеныч, а отек?

– Мы его не уберем уже, слишком далеко все зашло. Взять анализы, переодеть, и в бокс, и не волновать! Это сыновья? Вы привезли ей одежду? Тогда чего приехали? Марш обратно домой, привезти халат, тапки, рубашку и предметы гигиены. Постельное белье тоже можете захватить. Быстро езжайте, нечего зря здесь стоять.

– Я отвезу. Привет, Семеныч.

– Привет, Валера. Отвези, конечно. Давно вернулся?

– Час назад. И вот – такое.

– Ну, тогда увидимся позже. Надо было сразу меня вызывать.

– Ленька сказал – ты только с дежурства, а случай не экстренный.

– И кому это хоть когда-то мешало? Не экстренный, как же... Самый что ни на есть экстренный. Да я поспал, Лариса утащила телефон – женщины коварны. Ладно, утро вечера мудренее, пойду в приемный покой, там еще одного счаст-

ливчика привезли – после ДТП, и тут уж оперировать надо сейчас...

Он уходит, медсестра стягивает с меня остатки колготок и начинает какие-то манипуляции с моими коленями, а я хочу домой и в душ.

– Я не хочу никакой операции. Я хочу домой.

– Лежите спокойно, больная. – Медсестра осуждающе смотрит на меня. – Вот выздоровеете – и дома будете капризничать.

– На операцию нужно мое согласие, я его не даю.

– Глупости какие.

Она не понимает. Я финансово не потяну никакую операцию, я ничего такого не хочу, и вообще мне это ни к чему, учитывая, что я все равно собиралась умереть в ближайшее время.

– Так, мать, – Матвей садится рядом. – Давай сейчас договоримся: спорить ты не будешь, сделаешь так, как велят, – хотя бы раз в жизни. Об остальном поговорим потом, в частности, о твоём чудовищном поступке. Сейчас не время и не место. Ты сама допрыгалась – не лечилась, колола себе всякую фигню, запустила. Мы, конечно, с себя вины не снимаем, это уже решено, и так, как было, больше не будет. А теперь лежи, отдыхай, а мы скоро приедем. Вы ведь подбросите нас, как обещали?

– Не только подброшу, но и назад привезу – чтоб быстрее. – Бородатый исподлобья смотрит на нас, мы, видимо,

представляем собой очень живописную группу. – Как же вы ночью-то сами.

– Так, может, вы пакет с вещами сами привезете, а дети дома останутся? Им завтра рано в институт... А что вы кушали? Вы вообще кушали сегодня нормальную еду или снова сухомятка? Там суп был...

– Ты неисправима. – Матвей фыркнул. – Едем.

– Лежи спокойно, мам, – Денька погладил мою руку. – Ни о чем не беспокойся, все будет хорошо. Мы скоро.

– Вы в своем уме! Немедленно заберите меня домой!

– Видал, Дэн? Нет, ей и правда надо замуж.

– Да где же такого камикадзе взять...

– Похоже, негде, – бородатый вздыхает и кивает близнецам: – Едем, время дорого.

Кушетка, на которой я лежу, неудобная, а мне, как на грех, отчего-то очень хочется спать, и медсестра мешает мне думать, и мне надо в душ, иначе меня просто разорвет.

– Видала бестолочей – бросили меня здесь, а мне надо домой, в ванную...

– Лежи спокойно, в палате есть душ, привезут одежду – попробуем помыться. – Медсестра вздыхает. – Надо же, такие сыновья у тебя взрослые.

– Ага.

– Красивые парни. Тяжко с ними пришлось, без отца-то?

– А что, заметно, что без отца?

– Да не то чтоб заметно, но понятно. Ведь был бы у тебя

хоть какой-никакой заваливший муж, разве б позволил он тебе довести болячку до такого состояния?

– Да мужья тоже разные бывают.

– Ну, такая, как ты, разного бы не потерпела. Так, сейчас щипать будет, терпи!

Колени словно огнем загорелись, и я зашипела.

– Ну а что ты хотела? Зато всякая зараза мигом умерла. Лежи, сейчас перестанет так щипать. Давай карточку заполним, потом анализы возьму. Попало из-за тебя мне сегодня от Семеныча – но и поделом, конечно...

– Это такой, с голосом, как из бочки?

– Да. Повезло тебе – если сам Семеныч будет оперировать, встанешь на ноги, тут уж гарантия. К нему ведь на операции в очередь за год записываются, отбою нет от больных. И то сказать – такой врач один, может быть, только и есть, руки золотые, волшебник. Конечно, он не всех оперирует, физически бы не смог всех, но экстренные случаи он берет сразу, если очень сложные, а у тебя как раз такой случай и есть, так что лежи спокойно, теперь ты в надежных руках. Семеныч работает без брака, это все знают.

– Он главврач?

– Нет, когда ему этим заниматься – с такой нагрузкой-то, страждущих полное отделение, и плановых, и urgentных, некогда ему. Еще и других обучает, к нему в интернатуру попасть чтоб, люди взятки предлагают, чтоб ты знала, да только он себе сам учеников выбирает. Он заведующий хирургиче-

ским отделением, и для пациентов лучшего врача не надо, но к персоналу совершенно безжалостен, как видишь. Сейчас надо тебя на каталку переместить, но сама-то не сможешь, а одна я тебя не перетащу, подождем твоих. Давай пока с карточкой управимся, пока суд да дело. Фамилия, имя, отчество, год рождения?

– Паспорт в сумке, возьми да перепиши.

Я не хочу разговаривать. Я думаю о том, что скажет Марконов, узнав, что я здесь. И что он скажет, если узнает, как я здесь оказалась. Ведь если бы я умерла, мне было бы все равно, что скажут друзья и знакомые, но теперь-то всяко нет.

– Мам, мы тут вот...

Денька берет меня за руку, я тяну его к себе, и он подставляет мне макушку для поцелуя.

– Давайте переместим ее на каталку, ребята, – надо в палату перевезти.

Они втроем поднимают меня с кушетки и кладут на каталку.

– Вот и ладно, – медсестра кивает. – Так, забираем бумаги, анализы я у тебя в палате возьму. Давайте-ка, ребята, перевезем ее в палату, там я ее переодену, а вы шмотки домой заберете.

– Мам, ты голодная? – Матвей обеспокоенно смотрит на меня. – Мы ничего не привезли, а ты...

– Ничего, сынка, я же обедала. Вы там супчик поешьте,

я днем сварила.

– Перед тем как уйти с моста прыгать? – Матвей хмурится. – Вот в этом вся ты. Главное, чтоб мы были в шапочках и ели суп.

Я не могу сейчас с ним препираться. Я вообще не хочу ни с кем разговаривать. Мысль о том, что у меня не получилось то, что я задумывала – и не от того, что я струсила, а из-за какого-то кретина, который решил, что он Бэтмен, – злит меня невероятно.

– Мэтт, мы же договорились... – Денис толкает брата в бок. – Хватит.

– Да, договорились, – Матвей вздыхает. – Но старые привычки умирают трудно. Не побоюсь данного глагола в этом контексте. Мам, ты как?

– Ничего. Идите оба домой и...

– И поешьте супа, ага. Если поедим, тебя это обрадует?

– Успокоит – уж всяко.

Меня ввозят в палату, мальчишки резво застилают кровать принесенным постельным бельем и сгружают меня с каталки.

– Уходите отсюда все! – Медсестре, видимо, надоела наша перепалка. – Завтра придете. Вези их домой, Валера. Каталку-то в приемный покой отвезите, чтобы мне не ходить сто раз. Забирай пацанов, нечего им тут.

– Да уж не брошу, – бородатый вздохнул. – Все, свидание закончено, надели шапочки – и в машину, дома вас ждет суп!

Матвей погладил меня по щеке, Денька чмокнул в нос, и они исчезли, бородатый тоже был таков, его шаги и громы-хание неуклюжей каталки затихают в коридоре, а я просто не знаю, что и думать. Я давно уже не помню такого, чтоб мои дети, будучи вместе, выказывали ко мне хоть какую-то нежность или вообще добрые чувства.

– Хорошие парни, – медсестра вздохнула. – Давай-ка, Оля, попробуем раздеться – примешь душ, и в постель. Поставлю тебе капельницу и катетер, попробуем немного уменьшить отек.

– Я сама.

– Сама ты сейчас даже на толчок не сходишь. Меня Вика зовут, завтра придет смена – тут Людка будет. Так ты что же, с моста хотела прыгнуть?

– Я не готова это ни с кем обсуждать.

– Ишь ты... Ну, как знаешь, а только выговориться иногда надо, если в себе все держать, до инфаркта – один шаг, это я тебе как медик говорю. Чаще всего инфарктники – именно такие вот стойкие оловянные солдатики, как ты. Это хорошо еще, что Валера тебя успел ухватить да сюда привез, а то осиротели бы пацаны.

– Они уже большие, я им не нужна.

– Дура ты. Подожди, не дергайся, я сама стяну с тебя юбку, тебе сейчас не надо двигаться. Так вот я тебе говорю – дура ты, как есть, дура! Сколько им, по двадцать лет? Да за ними еще глаз да глаз нужен, и на ноги ставить их еще несколько

лет. Пацаны – они такие, чуть мать отвернулась, так и вляпались в дерьмо. Им опора нужна, ну а что языкастые – это ничего, дело поправимое, со временем пройдет. Давай-ка, опирайся на меня – дойдешь ли?

– Дойду...

Боль, задавленная препаратами, объявила сиесту. Я смогла вымыться, даже волосы помыла – и почувствовала себя человеком, облачившись в любимую рубашку и мягкий халат. Поесть бы чего...

– Вот, видишь – сразу дело веселее! А не выхвати тебя Валера, болталась бы сейчас на дне реки, рыбам на радость, водяному на потеху.

Похоже, бородача здесь знают все, и накоротке. Но я специально не стану спрашивать о нем, принципиально. Мне до него нет дела.

– Есть тебе не надо, завтра утром операция. Давай, возьму у тебя кровь на анализ.

– Я вот думаю – может, операция – это как-то чересчур?

– Всяко лучше, чем с моста вниз головой. Что ты теряешь?

– Я ведь могу и выжить.

– Тьфу на тебя, дура! Уж прости за прямоту, но когда баба твоих лет решает прыгнуть с моста, это надо лечить медикаментозно. Что, несчастная любовь накрыла?

– Я не буду это обсуждать.

– Да уж понятно, куда мне... Давай, работай кулачком, надо кровь взять.

Она меня утомила своей возней. Ее слишком много – вообще вокруг меня вдруг стало как-то слишком много людей, и их злокачественный интерес к моей персоне меня угнетает.

– Выживешь, Семеныч сделает операцию, и будешь как новая, и мысли дурные уйдут. Ведь забыла уже, поди, как жить, когда ничего не болит?

Пожалуй что и забыла. Я пытаюсь вспомнить, когда спина начала болеть совсем уж невыносимо... нет, она и раньше давала о себе знать, близнецы еще маленькие были, и я тогда сильно испугалась – работаю-то я одна, на что жить? Походила на иглоукалывание, попила лекарств, и боль ушла – так, иногда простреливало поясницу, но уколы глушили боль, и лежать было некогда. А полгода назад боль вернулась – но не прострелом, а расплавленной лавой, которую гасили только очень сильные лекарства, и с каждым разом их требовалось все больше, и перерыв между ними становился все меньше. А потом появился Марконов...

Я не знаю, когда поняла, что люблю его. Может, сразу, как только увидела. Он приехал к нам на фирму, привез документы, и шеф вызвал меня, чтобы я все свела в единую систему и просчитала, а Марконов сидел у шефа в кабинете – такой немного скучающий, немолодой, с коротко стриженными русыми волосами, и его глубоко посаженные голубые глаза смотрели немного иронично – он скучал, потому что знал, какие выводы я сделаю. И я, мельком взглянув на него, забрала документы и ушла к себе, и цифры принялись

за свое, а я загнала их в стойло, и построила в таблицы, и оказалось, что не зря Марконов был так спокоен, никакого подвоха эти цифры не таили. И... не знаю. Мне хотелось, чтобы он приехал еще, и я сама не понимала, и до сих пор не понимаю, что я в нем нашла – но какая-то искра между нами тогда все же проскочила, потому что он приехал, чтобы позвать меня пообедать. И я чувствовала себя по-дурацки в дорогом ресторане, где Марконова все знали, где сидели шикарно одетые дамы в бриллиантах, а Марконов в джинсах, и я в своем сером костюме... в общем, как-то так. Не знаю я, как мне это все вынести. И не хочу знать, а значит, надо уходить прямо сейчас.

– Ну, и куда ты собралась?

Это какая-то другая медсестра, очень старая, в странном белом халате почти до пят. Похоже, здешний персонал, напуганный громогласным Семенычем, решил доконать меня своей заботой.

– Вы не имеете права меня здесь удерживать. Так что мне пора по своим делам, спасибо за лекарства.

– Ну, конечно.

Она закрывает дверь и подходит ко мне вплотную. Ее глаза рассматривают меня, как какую-то диковинную зверушку, и мне становится неуютно под ее взглядом. Она берет меня за руку, считает пульс, ее лицо, покрытое морщинами, делает ее совсем древней, а глаза насмешливо рассматривают меня без всякого стеснения. Но рука ее теплая, и пахнет от

нее какими-то травами.

– Ты блажь эту из головы выбрось, бабонька.

Она садится на стул около моей кровати. Похоже, будет читать мораль. Ладно же, потерплю, ночь длинная.

– Послушайте, моя жизнь – это совершенно не ваше дело.

– Может, и не мое. Как звать-то тебя?

– Ольга Владимировна.

– Ну, да, Ольга. Так я и думала. Неподходящее имя для такой, как ты.

Имя и правда неподходящее – всю жизнь я об него спотыкаюсь, так и не привыкла. Когда-то в молодости хотела сменить, но мать обиделась люто, а потом Клим был против, так и осталось со мной это имя, которое я ощущаю как чужеродный предмет и которое и произносить-то не хочу лишний раз, до такой степени оно мне не нравится.

– А звать тебя совсем не так должно. Ну, да что толковать, сейчас речь не об этом.

– Послушайте, мне совершенно не нужны ничьи нравов-учения, я сама знаю, как мне поступать.

– А ты помолчи сейчас, Ольга Владимировна, – хотя бы из уважения к моему возрасту. Я ведь тебе не то что в матери – в бабки гожусь.

– Но вы...

– Санитарка я здешняя, Матрона Ивановна. То прибрать, там подтереть, тому судно подать или коечку перестелить – хоть поворачиваюсь я медленно, да ведь спешного и нет ни-

чего. А тебя я вижу насквозь, как стеклянную. Понятное дело, двух таких парней одной поднять – дело нешуточное, и тут тебе честь и хвала – хорошие парни, хоть и ершистые, но это пройдет, засиделись они у тебя в детях, сама ты их и приучила так-то. Однако ж сейчас это дело у них пройдет уже скоро, и будет тебе подмога, еще какая! А насчет с моста прыгать или как по-другому своей жизнью управлять до смерти, так это ты брось.

– Я...

– Сказано – помолчи! Да что за напасть, такая девка противная попалась, что ж за характер! Иной-то раз молчание – золото, наша бабская в этом сила – смолчать где надо. А ты ребятам своим за мать и за отца, вот и сломала себе хребет. А тут еще любовь некстати.

– Что?..

– Ну, ты уж всех дураками-то не считай, не глупей тебя я восьмой десяток на свете живу. Понятное дело, что воли ты себе не давала никогда, и сейчас маешься, да только знай одно: если твое, будет твое, хоть как прячься, а не твое – гоняйся, не гоняйся – не судьба, и будет отводить тебя от него, и ничего ты не поделаешь тут.

– Послушайте, я совершенно не понимаю, с чего вы...

Она коснулась сухой ладонью моего лба, и мне вдруг так захотелось спать, что просто сил никаких. Только как же спать, когда мальчишкам надо кушать приготовить, и постирать, и перегладить кучу белья, и посуду вымыть, и прибрать-

ся, а на столе документы – с работы притащила то, что не успела, и надо бы как-то умудриться прибрать у близнецов в комнате и не встретить яростный отпор и вопли негодования, и поспать бы хоть пару часов, потому что утром на работу, и...

– Ну-ка, просыпайся.

Это вчерашняя медсестра решила, что меня можно будить, но я не спала совсем... Или спала? Но и во сне я делала работу и устала сейчас так, словно на мне камни возили. И сейчас я понимаю, зачем Марконов иногда просит меня у него пожить – он хочет, чтобы я отдохнула. Вот я не понимала этого, а сейчас поняла вдруг. И боль вернулась – меня отсоединили от капельницы, и густая тяжелая боль не дает мне дышать, пошевелиться невозможно, а мне бы в ванную...

– Мам!

Близнецы смотрят на меня, ввалившись в палату, и глаза у них совершенно растерянные.

– Что вы кушали?

– Ну, мама! – Матвей досадливо фыркнул, а Денька закатил глаза. – Ели мы, овсянку варили, сосиски тоже. Мы тут вот привезли тебе фруктов и йогуртов, покушаешь, когда можно будет. Мы в институт, у нас сегодня зачет, но после – сразу к тебе. С работы отпросились. В общем, телефон не отключай и не вешай нос.

– Вы что, курток не надели? Там же холодно!

– Ну, мама!

– Нечего мне – «мама», я двадцать один год вам мама, и что, это повод – скакать без курток?

– Ты бы, если могла, и тулупы с валенками на нас напялила.

– А болеть кто потом будет?

– Идем, Дэн, это вечная песня.

– Ты держись, мам, а мы только в институт – и сразу к тебе!

– Все, хватит болтовни!

Семеныч вытеснил собой все пространство крохотной палаты. Он огромного роста, чисто выбрит, темные глаза на смугловатом лице резко контрастируют со светлыми волосами, уже тронутыми сединой. И огромные ручки, которыми не операции бы делать, а подковы гнуть на потеху публике!

– Анализы я посмотрел – не фонтан, но лучшего и ждать не приходится. Когда годами убиваешь себя, то рано или поздно даже самый крепкий организм даст сбой. Все, ребята, идите куда шли, а мы тут вашу мамашу будем на ноги ставить.

Близнецы, подмигнув мне, исчезли, а мне кажется, что одеты они слишком легко – за окном пасмурно и противно.

– Ну, что, готова?

– Я не знаю. Может, это как-то без операции можно...

– Если было бы можно, я бы так тебе и сказал – но нельзя. Уже – нельзя, потому что те препараты, которые ты себе колола, чтобы унять боль, разрушают тебя, и больше колоть

их нельзя. Давление у тебя скачет туда-сюда от этих препаратов, от них же и голова постоянно болит, а попутно печень садишь, сосуды просто сгорают – а главное, толку нет, поскольку препараты эти не лечат болезнь, а просто на время снимают боль, и тебе их все больше требуется, потому что грыжа такого размера, что... а еще и разрыв кольца... В общем, никак. Понимаешь ты это дело или нет? Вот отремонтирую тебя, и прыгай тогда хоть с моста, хоть откуда.

– Это что, вся больница судачит уже?

– Думаю, вся. А чего ж ты хотела?

– А врачебная тайна?

– Ну, не смейся мои тапки. Какая врачебная тайна, когда тебя привезли в таком виде, и объяснять Валере пришлось, где он тебя взял, такую нарядную.

– Вчера вот санитарка ваша приходила, Матрона Ивановна, и тоже мне всякое говорила. Вы объясните персоналу, что я не хочу все это слушать.

– Ну, именно Матроне Ивановне я ничего не могу объяснить, она служит в этой больнице дольше, чем я на свете живу, так что придется вам потерпеть.

Меня раздевают, накрывают простыней и везут по коридору, подсоединив к капельнице, и мне ужасно холодно, и мир вокруг стал расплывчатым и зыбким, а боль в спине – нудной и тихой, но все такой же тяжелой. Она перекачивается внутри меня, с каждым рывком каталки плещется маслянистыми волнами, и я думаю о том, что, когда встану на

ноги, первым делом пристрелю бородатого сукина сына, который помешал мне уйти. И сейчас бы у меня уже ничего не болело, и...

Лицо Клима склонилось ко мне, его глаза сочувственно смотрят на меня. Он так редко снится мне, но сейчас я не сплю. Я только хочу побыть с ним рядом, потому что так, как я скучала по нему, не скучал никто и никогда. Мне так не хватало его все эти восемнадцать лет! И вот он пришел и смотрит, но какие-то люди тянут меня на стол, переворачивают на живот, чем-то мажут поясницу, а я гляжу на них откуда-то сверху и думаю, что возвращаться в это тело совершенно не хочу.

Но тьма поглотила меня, завертела – и вернулась боль, горячей вспышкой заполнила глаза и грудь, и мне нечем дышать.

– Совершенно исключено. Больная не отошла от наркоза, и допрашивать ее не представляется возможным.

– Валентин Семеныч, я ж со всем уважением, но вы поймите: погиб человек, и ваша пациентка может иметь к этому прямое отношение.

– Она без сознания, Саша. Как ты собираешься ее допрашивать?

– Так приведите ее в чувство!

– Я врач, а не живодер. Да и толку тебе в ее показаниях, когда даже очень тупой адвокат докажет в суде, что такие показания не стоят бумаги, на которой ты их запишешь, – в том состоянии, что она находится сейчас, она тебе расскажет все, что угодно, но что из этого будет правдой? И примет ли суд показания, взятые у нее в таком состоянии?

– Вот черт... Как некстати!

Я слушаю эту перепалку и пытаюсь хоть что-то сообразить, но мысли лениво расплзаются в стороны, и ухватить их за хвост не представляется возможным. И чувствую я себя сейчас трупом, хотя лежу на животе, а поясница болит зверски – но уже как-то по-другому.

– Но я хочу, чтобы к ней никого не впускали, пока я с ней не поговорю.

– Она не под арестом. К ней будут ходить посетители, и ты

не можешь этому препятствовать. Приходи завтра, она будет в состоянии отвечать на вопросы.

– Завтра... когда мне сейчас надо, по горячим следам.

– Она никуда отсюда не денется, Саша. Она пока двигаться не может.

Разговор удалился, а я лежу и охреневаю. То, что этот Саша из полиции, мне ясно. Но кто погиб и какое я к этому могу иметь отношение? Кто мог погибнуть, кроме меня? Неужели Марконов?! Нет. Даже думать об этом не хочу, даже мыслей таких не допускаю, я не могу потерять еще и Марконова. И пусть он меня тысячу раз не любит, пусть я ему сто раз безразлична – я хочу, чтобы он был на свете: пил чай, читая новости в ноутбуке, рассуждал о политике или просто бухтел на меня насчет похудеть, это сейчас неважно. Но без Марконова мой мир станет совсем темным.

– Мама!

Они так кричат, бестолочи, но их глаза такие испуганные и умоляющие, хоть они и совсем взрослые уже дети, но я, возможно, поторопилась, считая, что так уж не нужна им.

– Ты как, мам? – Денька берет меня за руку. – Мы сюда просочились по-тихому...

– Это называется «по-тихому»?

– Мам, ты как себя чувствуешь? – Матвей пропускает мои слова мимо ушей. – Выглядишь ты бледно, вообще-то...

– Так, словно меня резали, как еще. Вы...

– Мам, мы кушали, мы надели куртки, хоть солнце в пол-

неба, мы сдали зачет и свободны, как белки в полете, – Матвей садится на корточки и заглядывает мне в лицо. – Мам, там говорят, что на стоянке около твоего офиса взорвалась твоя машина. Кто-то из вашего офиса сел в нее, завел, и она – бада-бум! – взорвалась на хрен. Полиция тут бродит...

– А кто мог ее завести? – Денька задумчиво чешет нос.

– Я ключи охране сдала. Кто угодно мог.

Это значит, что кто-то, не зная о моих планах, подложил взрывчатку в мою машину. И я понятия не имею, кто бы это мог быть. И я очень не вовремя оказалась здесь.

– Мам, тебе что-то принести?

– Нет, пока ничего не надо. Что вы там готовите, что едите?

– Ну... – Денька мнется, примеряясь, чтобы что-то сказать. – Мы тебе сразу и говорить не хотели, зная, как ты относишься к чужим на периметре, но...

– Да ладно, Дэн, хватит влиять. Мам, у нас там живет Валерий Станиславович. Так вышло, что...

– Какой Валерий Станиславович?!

У меня нет знакомых с таким именем. Вот чуяла моя душа, что стоит мне на пять минут умереть, как эти бестолочи нагородят глупостей!

– Я не знаю никого с таким именем. Что он вам рассказал, что вы впустили его в дом? Да вы в уме? А если...

– Мам, остынь, – Матвей вздыхает. – Ты его знаешь. Это тот человек, который тебя спас. И нас возил с вещами, и во-

обще...

– Это тот троглодит, что вас ударил? Зачем вы впустили его в дом? Он что, бомж?

– Ну, мама!

Боль адская, меня тошнит, перед глазами все плывет, но мысль, что я что-то упустила и теперь в моем доме живет неизвестно кто, держит меня здесь, а тьма так близко, и там спасение. И нырнуть туда, за грань, где нет боли и тревог, мне мешает мысль, что близнецы снова накосячили.

– Так, вышли оба отсюда!

Это вездесущий Семеныч нарисовался в палате, и от его голоса воздух сделался густым и вязким. Близнецы попятись к двери, протиснулись мимо фигуры в зеленой пижаме и шмыгнули в дверь. Но я с ними еще не договорила!

– Как ты себя чувствуешь?

– Больно...

– Ну, это понятно – разрезаны ткани, операция, шов, отек. Но в целом все прошло удачно, хотя я в толк не возьму, как ты при таком состоянии позвоночника последние полгода вообще ходила. Почему не обратилась к врачу?

– Я обращалась...

– К кому?

– К невропатологу в поликлинике.

– И что он?

– Она. Послала меня на снимок, потом на МРТ, прописала таблетки и велела греть солью...

– Фамилия невропатолога, в какой поликлинике?

– Васильева, в десятой, вашей же, около этой больницы корпус... Мне ж она по месту жительства, я живу в двух кварталах отсюда.

– Я в курсе, где десятая поликлиника. Васильева, значит... ладно. Теперь так: лежишь и отдыхаешь, выполняешь все, что я назначил. Восстановительный период продлится несколько месяцев, реабилитолог тебе объяснит лучше, чем я. В общем, отдыхай, а сейчас постарайся уснуть.

– Но...

– Ни о чем не тревожься, все в порядке.

– Но полиция...

– Тут к тебе адвокат пришел уже.

– Адвокат?!

Театр абсурда. Какой адвокат, откуда бы ему взяться?

– Ну, да, – Семеныч выглянул и поманил кого-то. – Заходите, но не более десяти минут. Я вас оставлю.

В палату вошел человек в костюме, в руках у него коричневый кожаный портфель. Ему лет сорок, и, судя по его часам, он дерет с клиентов три шкуры. И я не понимаю, зачем он мне, кто его пригласил и как я смогу его оплатить, если на то пошло.

– Меня зовут Дмитрий Васильевич Ершов, я ваш адвокат.

– Я не понимаю. Почему мне нужен адвокат? Я вас не звала, и оплачивать это я...

– Насчет оплаты не беспокойтесь, господин Марконов уже

все оплатил. Подпишем бумаги на представительство, и ни с одним полицейским без моего присутствия вы разговаривать не будете.

– Послушайте, я не понимаю... Зачем мне нужен адвокат? Как Марконов узнал, что... А что, собственно, произошло?

– Все очень просто. В новостях был репортаж о взрыве машины. Погибла бухгалтер Соколова Ирина Юрьевна. Машина ваша, вы во время взрыва пребывали в больнице, но полиция сейчас будет пытаться доказать, что вы сами заминировали машину.

– Я?!

– Ну, это одна из версий. А потому господин Марконов счел необходимым нанять меня. Вот, подпишите бумаги и отдыхайте, выглядите вы скверно, честно говоря.

– Но я не минировала машину!

– То же самое сказал мне и господин Марконов. Потому я вам верю и считаю, что полицию сразу нужно поставить на место, иначе они примутся досаждать вам, а это ни к чему, учитывая обстоятельства. Вот, подпишите здесь.

– Быстрый вы какой... Почитаю для начала.

Марконов озаботился найти мне адвоката. Все так скверно? Неужели они действительно думают, что я могла... И погибла Ирина. Что она делала в моей машине, зачем взяла ключи и завела ее? И очевидно же, что тот, кто минировал машину, понятия не имел, что я собралась умереть, а потому никогда больше не села бы в эту машину. Это мне оче-

видно, а полиция скажет: раз ты собралась сигануть с моста, значит, просто хотела прихватить с собой еще кого-то. Глупо, но в полиции и не работают слишком умные персонажи – так, неудачники, которые не смогли по-другому реализоваться. И эти неудачники наделены нешуточной властью! Да, Марконов прав, как всегда. Мне нужен хороший адвокат.

– Все, Ольга Владимировна, выздоравливайте. Завтра встретимся.

– Завтра?

– Да, к вам придет следователь, и вы дадите показания – но только в моем присутствии. Следователь будет в одиннадцать, после обхода.

Он вышел, а я не могу перестать думать о том, что произошло. Бедная Ирина, как глупо погибла! Но что она делала в моей машине и кто мог заминировать ее? Кто ненавидит меня до такой степени, что готов взорвать? Ну, кроме меня самой? И Марконов... адвоката нанял, а сам и глаз не кажет! Это так похоже на него. Но оно, конечно, и к лучшему – выгляжу я точно не лучшим образом, учитывая, что чувствую себя как воскресший труп.

– Давай-ка поставим тебе капельницу.

Они не могут оставить меня в покое! Я вообще уже превратилась в стилизованную игольницу, но это, похоже, никого здесь не волнует.

– Лежи спокойненько.

Медсестра уже другая, эту я не видела. От нее резко пах-

нет духами, она высокая, рыжеволосая и какая-то нескладная, что ли.

– Как вы будете ставить капельницу, если я лежу на животе?

– Ничего, это не помешает.

Она подсоединяет меня к системе, и меня отчего-то раздражает ее возня – так долго она не могла попасть в вену.

– Ничего, потерпи. Уже последний раз.

Стены плывут, и тьма накрывает меня с головой, и глаза Клима так близко, и...

Что-то с силой бьет меня – все тело содрогается, и поясница болит немилосердно.

– Все, есть пульс! Быстро подключайте к аппарату очистки крови, плазму несите!

Кто-то кричит, а мне так больно, и что-то теплое струится по телу.

– Кровотечение открылось! Переверните ее на живот!

Меня переворачивают, боль становится нестерпимой.

– Новокаин! Быстро!

– Может, общий?

– Не перенесет, сердце никуда.

Я думаю о том, что столько боли мне послано абсолютно напрасно. Ведь это с каждой минутой укрепляет меня в желании вернуться на мост.

Они что-то делают со мной, а я превратилась в один сплошной нерв, чувствующий каждый толчок сердца, каж-

дый вдох и выдох, и... *Очистка крови?! Похоже, кто-то всерьез принялся за меня.*

– Не надо больше новокаина, ей сейчас надо просто очистить кровь. Люда, неси плазму, что ты там копаешься.

Они совсем не обращают внимания на то, что внутри этого истекающего кровью куска мяса нахожусь я. И я все слышу и чувствую, хотя мне хочется сигануть вверх и показать им всем средний палец, но теперь, раз кто-то вознамерился меня убить, я назло выживу. Тем более что в моем доме проживает какой-то аферист, которого зачем-то впустили бестолковые и доверчивые близнецы. Мои Ребенок 1 и Ребенок 2 только на вид взрослые, а на самом деле у Матвея в сумке прячется игрушечный зайчонок – маленький, с мой кулак, он его в детстве просто обожал, а Денька таскает с собой резинового котенка – свою первую осознанную игрушку. Бестолковые дети, не видевшие в жизни ничего скверного, – я была их каменной стеной, защищала от невзгод, и теперь я сделаю все, чтобы это так и оставалось. Они пропадут без меня, теперь я это точно знаю. Прости, Клим, придется тебе немного подождать – наши дети пока еще совсем дети.

– Смотри на меня, Оля!

Это Семеныч – усталый, с потемневшим лицом.

– Ты меня слышишь?

– Ага.

– Кто это был?

– Медсестра...

– Которая?

– Не знаю. Я ее впервые видела.

– Ладно, полежи.

Он выходит, а я проваливаюсь в дремоту. Они чем-то стучат, переговариваются, а мне нет до них дела, я вся превратилась в кокон боли, и я не знаю, когда этому уже конец.

– Оля, не спи!

Такое ощущение, что они все решили доконать меня. Как – не спи, когда сил нет дышать?

– Отстань.

– Поверни голову и посмотри.

Я поворачиваю голову, свет нестерпимо режет глаза. У стены жмутся женщины в халатах медсестер.

– Которая?

– Нет... та была другая. Долго вену мне ковыряла, высокая, рыжая, молодая, резко духами пахла...

– У нас запрещено пользоваться парфюмерией на работе, – Семеныч вздохнул. – Ладно, лежи, отдыхай.

– А что...

– Матрона Ивановна тебя нашла – видимо, сразу после ухода той «медсестры», – в палате пахло духами, да. Уже сделали анализ, только что пришел результат масс-спектрометра. Тебе ввели дозу препарата, который в определенной дозировке вызывает сильную тахикардию и остановку сердца. Матрона Ивановна поняла, что ты без сознания, выдернула капельницу, подняла шум, и мы успели тебя вытащить. Кто-

то очень хочет, чтобы ты перестала дышать. Не знает, видимо, что ты и сама не против.

– Теперь дудки!

– Ну, вот это по-нашему. Постарайся сейчас уснуть. Тут тебе охрану прислали, так что ты в безопасности, пока отдохай, а там поглядим.

– А что за охрана, полиция?

– Нет, частная фирма какая-то. Серьезные ребята. Прислал их некий господин Марконов. Хорошие друзья у тебя, значит.

Я закрываю глаза. Марконов прислал мне адвоката и охрану. Откуда он узнал? Неважно. И я не хочу даже думать о том, как он ко всему этому относится – цивилизованный, упорядоченный Марконов, который в принципе не понимает, что бывает форс-мажор. Но главное, чтобы близнецы не узнали. Ни к чему им это. Хотела бы я знать, кому я мешаю до такой степени? Ума не приложу...

Сон пришел как-то очень быстро, и боль кончилась, и я снова взлетаю на качелях, а вокруг лето, луг, и мой голубой, в белый горошек, сарафан с пышной юбкой взлетает вместе с качелями, и летний воздух, такой горячий и пахнувший травами, и с бугра видна река, и качели взлетают так высоко, и впереди все лето и вся жизнь.

Никогда больше я не была так безусловно счастлива, как тогда, в свои четырнадцать лет, на тех качелях.

– Тихо, ребята. Жива мамаша, видите? Жива.

Голос я узнаю – это давешняя Матрона Ивановна, пытавшаяся меня воспитывать. Я открываю глаза – в узкий бокс, где я теперь лежу, заглядывают испуганные близнецы. Да, утаить произошедшее от них не удалось, как я понимаю. Похоже, им придется сейчас туго – второй раз чуть не лишились матери, это стресс для детей.

– Мам... – Денька осторожно приближается ко мне и берет меня за руку. – Мам, ты как?

– Ничего, сына, будем жить.

– Мам, кто мог это сделать, скажи?

– Не знаю, сына.

Но я узнаю. Вот только выйду отсюда, так сразу и примусь искать того, кто мне это организовал, и тогда... Я мысленно ухмыляюсь – финансовым аналитиком я ведь стала после смерти Клима. А до того я была его женой, а это не что попало.

– Вы кушали?

– Ага, – Матвей неловко переминается с ноги на ногу. – Ты не беспокойся, мы не голодаем. Нас Валерий Станиславович учит готовить...

– Я не думаю, что...

– Ладно, мам, нас сейчас Семеныч спалит здесь – и все, больше не пустят. Ты выздоравливай, а мы еще придем.

Близнецы отчего-то избегают разговоров о бородатом типе. И я понимаю, отчего: если я скажу выгнать его, послушаться они не посмеют. Или же будут спорить, а спорить со мной

сейчас мои дети не хотят. Ну, что ж, тем больше у меня причин как можно скорее выйти отсюда.

– В рубашке родилась ты, вот что я тебе скажу, – санитарка Матрона Ивановна поправляет мне одеяло. – Ведь вот как толкнуло меня что-то – пойди, Матрона, погляди на болезную рабу божью Ольгу, может, надо что, а оно вон чего! Ну, теперь твое дело одно – на поправку идти.

– Я представить себе не могу, кому, а главное, за что, понадобилось меня убивать.

– А ты вспомни, по кусочку, по частям – обязательно найдется тот, кому ты мешаешь, так или иначе. Может, по работе что-то серьезное или мужик какой у тебя случился, а у него баба ревнивая. Или родня с тобой наследство делит. Что-то всегда найдется, о чем ты, может, и не думала раньше. Кому-то ты очень мешаешь.

– Да никому. Работа у меня самая что ни на есть обычная, любовника нет и никогда не было, родни тоже никакой нет.

– Как так?

– Да так вышло. Родители меня родили, когда маме было сорок пять, а папе пятьдесят два – отчаялись уже, а тут такое. Вот как я школу закончила, поехала поступать в институт, встретила своего мужа – я в институт поступила, а через месяц мы расписались. А через год умер папа, от обширного инфаркта – у него сердце слабое всегда было, вот последний приступ и оказался действительно последним. Мальчишки только родились, всего два раза и увидел их – а уж как он

ими гордился! Ну а еще через год и мамы не стало. Они с папой были очень привязаны друг к другу, и она просто не смогла жить дальше, не захотела. А потом и мужа убили, через два года, – и все, больше никого, только дети.

– Да, девка, не жаловала тебя судьба. Ну, да что толковать – значит, все твое счастье еще впереди тебя дожидается, ты, главное, не прозевай его, а то ведь совсем в сухаря себя превратила.

«Ну да, знала бы ты, из-за чего я с моста прыгать вздумала! То-то смеху было бы... Вот только мне не смешно».

Мысль о Марконове – такая... мимолетная, что ли. Я смирилась с тем, что он не любит меня и никогда не будет любить. Это Клим любил меня всякую – но Клим был со мной совсем недолго. А потом его не стало, и больше уже ничто меня не трогало: была жизнь, которую надо было жить, были дети, которых надо было растить, и оглядываться по сторонам стало просто некогда. Да и незачем, если вдуматься, – никто не смог бы стать отцом моим детям, никто не смог бы стать вторым Климом. И Марконов не смог бы, хоть моим детям отец уже и не нужен, а я люблю Марконова просто по факту – не ищу в нем Клим, он совсем другой, но это неважно. Важно то, что он жив, и рано или поздно объявится, и мы будем сидеть за столом, он станет пить чай и смотреть новости, а я буду смотреть на него и умирать от того, что он совершенно меня не видит.

– Ты спи, Оля. Умаяла ты нас всех сегодня и сама умая-

лась, мученица.

Она снова гладит мне лоб теплой сухой ладонью, и я проваливаюсь в сон, но и сквозь сон слышу, как голос санитарки проговаривает что-то несурзное: дочь моя, ты спишь, или перед Господом стоишь, на Матушку Богородицу глядишь. Иисус Христос, Матушка Пресвятая Богородица, охраните мою дочь во всех делах, при всех путях, при солнце, при месяце, при дороге ночной и дороге дневной, на чужих людях, чужих сторонах. Отнялись бы ноги и руки у ее врагов, нашел бы мрак на их мозги, чтобы не узнали они ни своего отца, ни своей матери. Неповадно бы чужую дочь обижать. Заклятье это никому не снять. Ключ, замок, ведьмин потолок. Аминь.

И снова качели поднимают меня высоко-высоко, и я лечу над летним лугом и удивляюсь, отчего я раньше этого не делала, ведь это так просто! И можно улететь и больше не возвращаться. Но я должна.

Если это утро, то очень мрачное. Сквозь узкое окошко я вижу, как моросит дождь. Медсестра принесла орудия пыток и что-то мне колет. Ешьте меня, мухи с комарами, но мне уже все равно. Мне так хреново, как не было еще никогда в жизни. Болит все, а самое главное – болит поясница, и конца этому не предвидится.

Голоса, приближающиеся к палате, вытолкнули меня из сонного состояния.

– Нет, ее уже никто не подозревает – после произошедше-

го здесь. Но допросить я ее должен.

Знакомый голос, да. Вчера слышала его, до того, как все случилось. Значит, полиция не склонна отстать от меня.

– Это реанимация, больная спит, беспокоить ее не надо.

– Кстати, как ее адвокат, я не понимаю, зачем теперь, после случившегося, вам так понадобилось допрашивать гос-пожу Одинцову. Если учесть, что она вчера едва не стала жертвой покушения, и токсикологический анализ крови и жидкости в капельнице это подтверждают, то уже очевидно, что и взрывчатка в машине тоже предназначалась ей и лишь по чистой случайности...

Как же они мне все надоели! Нужно поговорить с полицейским, и все, пусть он оставит меня в покое, иначе это затянется бог знает на сколько.

– Валентин Семеныч, я проснулась!

– Вот, видите – она проснулась! – это радуется голос, идентифицированный Семенычем как Саша.

– Это ничего не значит. Саша, здесь реанимация, и больная очень слаба, ее сердце и до этого не было здоровым, а после произошедшего и вообще может не вынести ни малейшего волнения, неужели ты этого не понимаешь?

– Я очень аккуратно. Ну, я же по-человечески все понимаю!

– Если моя клиентка не против, то я бы предпочел выяснить все прямо сейчас. – Адвокат заглядывает в бокс. – Здравствуйте, Ольга Владимировна. Как вы?

– Давайте покончим с этим, иначе полиция никогда не оставит меня в покое.

Они все трое входят в бокс, и в нем совсем не остается места.

– Меня зовут Александр Викторович Романец, я старший следователь прокуратуры.

Он молодой и очень серьезный. В синем кителе и фуражке выглядит немного комично, потому что у него совсем белые волосы и очень светлые кожа и глаза. Альбинос, надо же. Бог шельму метит.

– Спрашивайте.

– Саша, максимум – пятнадцать минут! – Семеныч обеспокоенно смотрит на приборы, к которым меня подключили. – Больно?

– Терпимо.

– Да после всего, что ты за полгода вытерпела, бедолага, тебе сейчас все терпимо. Ведь второй раз шили практически по живому. Нельзя наркоз было...

– Ничего, жива. Спрашивайте и убирайтесь, я спать хочу.

Стандартные вопросы для протокола – и стандартные ответы. Ничего я не знаю, парень, и представить не могу даже, кто меня так невзлюбил.

– Скажите, а мог бы кто-то из бывших... друзей вашего мужа хотеть причинить вам вред?

Вот этот вопрос вообще здесь лишний.

– Климат нет уже восемнадцать лет. Если бы кто-то из них

хотел меня убить, незачем было ждать столько времени, тем более что я не прячусь.

– Да, конечно. А вы поддерживаете контакт с кем-нибудь из них?

– Нет.

Незачем было моим детям знать этих граждан, как и то, чем они сейчас, скорее всего, являются. И мне они были совершенно не нужны в той жизни, которую я строила для своих детей – такой, какую мы с Климом и хотели для них. И в ней изначально не было места старым друзьям Клина, он тогда и сам это отлично понимал и не обижался. Так оно осталось и после его смерти.

– И вы никого из них ни разу не видели после похорон мужа? Не поддерживали связи?

– Я не стремилась поддерживать знакомство ни с кем из них. Это не те знакомства, которые я хотела бы поддерживать, если вы понимаете, о чем я говорю, и очень опасные связи. Мне совершенно ни к чему, чтобы мои дети были знакомы с подобными людьми.

– Конечно. Я справлялся о вас, и все характеризуют вас в превосходной степени: прекрасный специалист, абсолютно порядочный человек, отличная мать. И, конечно, я понимаю, что... но я обязан был спросить, уж простите меня, Ольга Владимировна, что ворошу эту старую историю, но видимых мотивов для того, чтобы вас убить, я пока ни у кого не обнаружил.

– Но у кого-то он все-таки есть, как видите.

– Да, очевидно. Вы простите, что побеспокоил, но сами понимаете – есть вопросы, которые я должен был прояснить для себя, чтобы двигаться дальше. Уж не обессудьте, но старая история с вашим мужем так и осталась невыясненной, и я...

– Ничего.

Эта история так и не стала для меня старой, так же, как не осталась невыясненной – виновные были найдены и наказаны, но от этого никто не сделался более счастливым, и я в первую очередь. И все это до сих пор еще со мной, и я иногда думаю о том, что было бы, сложиись все по-другому, что я могла сделать, чтобы уберечь Клима от убийцы – и по всему выходит, что ничего.

– Александр Викторович, я считаю, что упоминание о погибшем муже моей клиентки совершенно не имеет отношения к данному преступлению.

– Как знать... Что ж, Ольга Владимировна, желаю вам скорейшего выздоровления, а я со своей стороны постараюсь сделать все, чтобы виновник ваших бед был арестован и понес наказание.

Да ты понятия не имеешь, кто бы это мог быть – точно так же, как и я, и знать не знаешь, с какой стороны подступиться к этому делу. А я хоть и не знаю, но у меня есть, у кого спросить.

– С вашего позволения, Валентин Семеныч, мне нужно

буквально пару минут наедине с клиенткой.

– Но не дольше. Идем, Саша, провожу тебя.

Они уходят, и мне становится как-то не по себе – отчего-то присутствие Семеныча меня успокаивало.

– Ольга Владимировна, экспертиза показала, что препарат, который вам пытались ввести, один из новейших.

– Я польщена. Кто-то следит за новинками на фармацевтическом рынке.

– Безусловно. Но я хотел бы знать другое: как вы считаете, кто бы мог вам все это устроить?

– Не знаю. Вот честное пионерское: не знаю! Моя жизнь – самая обычная, и кому я могла помешать, даже представить не могу.

– Но кому-то вы мешаете настолько, что человек два раза покушался на вас, и второй раз вы видели убийцу.

– Я тогда только от наркоза отошла и не вспомню ее лица даже под страхом смертной казни.

Лица-то я и точно не вспомню – но запах узнаю, и вообще – узнаю, если придется. И главное сейчас – поскорее выйти отсюда и начать искать того, кто пытался мне устроить лифт на тот свет. Одно дело, когда я сама собиралась это сделать, и это было мое решение, и совсем другое – какой-то подонок, который вдруг решил спровадить меня с глаз долой.

– Понятно... Что ж, я вас оставляю, за делом я буду следить, и полиция вас беспокоить больше не должна – только в пределах дела, где вы являетесь потерпевшей, а это не то

же самое, что подозреваемая, как вы понимаете.

Отчего-то меня это совсем не радует. Не люблю я быть потерпевшей – это значит, что я сдалась.

Но я не сдамся.

– Люша, это безответственно, ты же сама понимаешь!

Так Марконов комментирует ситуацию вокруг моего здоровья. Которое, кстати, вполне уже восстанавливается, а боль, мучившая меня последние полгода, больше не возвращалась. Не знаю, что там отрезал Семеныч, но отрезал он явно что-то совсем ненужное.

– Ты сам-то как?

– Я сейчас в Испании. Приехал в свой дом – нужно немного отдохнуть, кое-что обдумать. Тут хорошо – море, солнце, цветы... Люша, денег я тебе переведу, не дергайся и выздоравливай. Об остальном же предоставь беспокоиться полиции и адвокату.

– Ага.

– Все, я пошел играть в теннис. Не кисни, все будет в порядке.

– Ты в Испанию надолго?

– Не знаю... Посмотрю. Как желание возникнет вернуться. Не лезь никуда, полиция разберется без тебя, а то знаю я тебя, примешься геройствовать.

Ну, да, тебе из Испании виднее. Ладно, Марконов, поглядим, что и как. А ты играй в теннис, тебе вся эта ситуация кажется невероятной, ты вообще очень брезгливо относишься ко всяким жизненным форс-мажорам, считая их резуль-

татом безответственности и плохого планирования, а потому я не стану ничего тебе говорить о своих мыслях и планах.

– Ну что, на выписку скоро?

Медсестра Вика вкатила ко мне в палату столик с орудиями убийства и принялась деловито перебирать все это добро. Вообще-то медики – странный народ. Вот взять хотя бы Семеныча. Ему сорок шесть лет, а он почти круглосуточно торчит в больнице или же летит куда-то кого-то там спасать. При этом я не представляю, когда же он живет, потому что он все время на работе. Или вот Матрона Ивановна, которая и вообще служит здесь почти полсотни лет – здесь и живет, в домике за больницей. Она здесь как бы на общественных началах работает, похоже, учитывая ее зарплату, но никому это не кажется ни странным, ни чем-то ненормальным. Они здесь живут какой-то своей жизнью – среди боли, страданий, чужих капризов и прочих таких вещей, которыми наполнены эти коридоры и палаты, потому что сюда никто от хорошей жизни не попадает. Не знаю, как они это вообще выдерживают. Раньше я думала, что абстрагируются, но, когда со мной случилось то, что случилось, они все реально обо мне беспокоились, каждый на свой лад, и я не знаю, как они все это могут наблюдать изо дня в день. Это ж спятить можно, если кто понимает!

Нет, с цифрами гораздо проще. Хорошо, что мне привезли мой ноутбук и я могу здесь работать, иначе с ума бы сошла от скуки. Шеф, похоже, этим фактом тоже весьма дово-

лен, о чем свидетельствует увеличившийся размер моей зарплаты.

– Ну, что говорит твой-то?

– В Испанию уехал. Говорит, что я безответственная.

– Это он от ума говорит, конечно. А сам-то что ж глаз не кажет? В Испанию, значит, укатил, отдыхать? Ну-ну... А я вот хоть поглядела бы, что ж там за принц такой особенный, что ты ради него с моста сигать готова была. Никогда принцев не видела.

– Да разве в этом дело, что принц... И не из-за него это совсем, как вы все не можете понять. Просто так карта легла в тот момент.

– Нет, ну я знаю, куда мне – понять такие тонкие материи. А только, Олька, путный мужик рядом бы находился, а не по Испаниям разъезжал.

– Он и так много для меня сделал, хотя и не должен: я ему не жена, не любовница – мы с ним просто так дружим, а он...

– Конечно. Адвоката нанял и охранников. Ну, это очень просто, когда денег много, но это все так, без души. А сам-то он что?

– Вика, ты меня не слышишь. Мы с ним просто друзья.

– Ну да, ну да... Работай кулачком-то, возьму анализы. Нестоящий это мужик, вот ты что хочешь, а рыба кровь у него! Хотя бы даже и друзья, а он в Испанию укатил – на солнышке греться. Еще оттуда тебе мораль читает, стервец. Вот ведь богатеи эти все такие и есть, наверное, чем богаче,

тем больше у него тараканов в голове. Оттого и счастья нет у них.

– Да откуда ты знаешь?

– А к нам сюда всякие приезжают, к Семенычу оперироваться. Вот, VIP-палаты для них заведены – не такие, как у тебя, хоть и у тебя хорошая, а эти так вообще с полным фаршем, так сказать. Ну а кто дежурит? Да вот мы же, VIP-персонала для них все равно не положено. Они поначалу так себя несут – не подходи, кусаюсь, на кривой козе не подъедешь, а полежат здесь – и попускает их. И много чего рассказывают, а только общее у них одно: нет ни тепла человеческого у них в жизни, ни нормальной семьи, ничего. Те жены, на которых они женились еще в бытность бедными, стали со временем не нужны – не по статусу такой птице обычная баба, поменяли их на финтифлюшек модельных и телеведущих разных. А только не думали тогда, что, получая в жены такую девку, они получают просто куклу. И ей насрать в три кучи на его какие-то мысли, планы или просто на желания по-семейному поговорить, побыть вместе нормально, ей ту-совки подавай, шмотки да цацки, да капризами замордует. И к старой жене возврата нет, тетки свои жизни уже поустроили, а кто и не устроил, те не простят обиды. Вот и маются – либо в одиночестве, ссыкух этих модельных пачками покупая на ночь, либо рядом таких стервей терпят, что ахнешь. Был у нас тут один, колбасный магнат. Миллионы нажил, а как прихватила поджелудочная, приехал сюда. А жена ему

иногда звонила – типа, у меня все хорошо, купила себе каких-то шмоток, и вообще поехать бы на острова. Мужик доходит, от боли корчится, а у этой гангрены одни острова на уме. Так-то. Вот попомнишь мои слова, и твой принц найдёт себе такую же побрякушку и маяты с ней получит по самую завязку. Они все на один салтык, Олька, им богатство в голову бьет так, что напрочь человеческое все отбивает – небожителями себя чувствуют. А только здесь, у нас, вдруг оказывается, что и у небожителей есть кишки, вот что. Ладно, не страдай, сейчас вот завтрак принесут тебе, а там и твои Двое из ларца нагрянут.

Это близнецов так прозвали в отделении. За две недели мои дети со всеми здесь успели познакомиться и завести приятельские отношения. У них и вообще это легко получается, я так не умею.

– Ну-ка, Ольга Владимировна, давай завтракать.

Это Матрона Ивановна завела себе привычку приносить мне завтрак – хотя я уже вполне могу и сама сходить в столовую, но она приносит мне тарелку с кашей, чай и булочку. Уж не знаю, зачем ей это надо. Ее не поймешь, занятная такая старушка.

– Скоро выпишут тебя. Может, и завтра. Знатная работа, золотые руки у нашего Валентина – вишь, снова как новая!

– Это точно. Только вот лет двадцать бы куда-то деть...

– Ты за эти лет двадцать детей подняла, так что если и деть куда-то, то вместе с ними только.

– Нет, дети мне нужны. А эти двадцать лет – нет, потому как не видела я ничего хорошего, прожила – вот как под забором! Ни счастья толком не видела, ни отдыха, ни покоя. Работа, работа, дети, проблемы, безденежье, и все надо вытянуть, и все чтоб кругом хорошо, да чтоб никто и подумать не мог, чего мне это стоит. Бог, похоже, меня ненавидит.

– Ешь кашу-то. Глупости болтаешь...

Каша больничная известно какая, но я за две недели отошла изрядно и хочу закрепить результат, а потому не позволяю близнецам приносить мне еду – достаточно и того, что здесь дают. Вот выйду отсюда и куплю себе развеселые джинсы в страфиках и вышивке, и пусть Марконов поглядит тогда...

– Бог, чтоб ты знала, на всех счастья припас, только самой не зевать надо. Ведь ухаживали за тобой мужики, что ж ты не пошла замуж? Ведь могла же.

– Да ну, Матрона Ивановна, то, что за мной ухаживало, не годилось ни в мужья, ни в отцы. Сплошь неудачники какие-то, которым опора в жизни нужна. Ну, а у меня есть кого тянуть, мне еще один рот не прокормить. Да и не могу я уважать мужика, который ничего в жизни не добился. А если не уважаю – любви нет, и постели тоже нет, потому что я такого и не подпущу к себе. А нормальные не попадались, одни слабаки тянутся...

– Это оттого, что ты по жизни – генеральша. Тебе генерал только и нужен, а сержанта ты не видишь. Оно и правильно,

конечно – однако ж дети выросли, скоро свои семьи позаведут, а ты все одна.

– Я уже привыкла к этой мысли, и она не доставляет мне больше дискомфорта.

– Однако ж прикипела к этому, который охрану прислал.

– Потому что его есть за что уважать.

– Может, и есть. А вот любить его за что?

– Есть за что.

Марконов – единственный из встреченных мной людей, который реально сделал мою ношу легче. И не потому, что чего-то хотел от меня, а просто так. Ну, вот как человек, вытаскивающий на берег утопающего – вытащил и ушел, и ничего особенного он в своем поступке не видит, и благодарности не ждет, и не понимает даже, за что его благодарить пытаются – это для него дело обычное и понятное, он не знает, как по-другому можно. Вот за это я его люблю – за то, что настоящий.

– Что ж ты теперь, на работу вернешься?

– Ну, да. Жить-то на что-то надо.

– Оно-то так... Не слыхать от полиции вестей?

– Да я с самого начала была уверена, что никто никого не найдет. Это же полиция. Тупые неудачники и ущербные личности.

– Все у тебя не такие... Надо бы тебе добрее к людям быть.

– Ко всем без разбору? Ну, нет. Знаете, Матрона Ивановна, мне вот животных всех жалко, птиц жалко, насекомых...

Цветы жаль и деревья. Даже муравьев. А людей... Нет. Повидала я людей, так что я с разбором добра.

– Да это я поняла уже. Ну что, вставай, принцесса, – скоро обход, а потом тебе к Василию Игоревичу идти. Давай посуду-то отнесу на пищеблок.

Василий Игоревич – молодой врач-реабилитолог, которого я поначалу жутко стеснялась. Все мне казалось, что подомной сломается его оборудование – и доска, сделанная по принципу средневековой дыбы, и легкие палочки на тонких канатах... Но нет, все прочное и накрепко зафиксировано. Теперь-то, когда я похудела, я не стесняюсь, да и парень он очень компанейский и веселый. И здорово помог мне, это факт.

– Твои-то, поди, сейчас заявятся.

– Может, и сейчас.

– Хорошие дети у тебя. Такие парни бравые – девки небось в дверь ломятся?

– Мальчишки заняты сильно – учатся, работают. Не до того им пока.

– Ну да дело наживное. Пойду я, заболталась с тобой.

Я не знаю, почему она приходит ко мне, но я как-то по-своему даже привязалась к ней. Хорошая старушка, очень такая... светлая. И я думаю о том, что совсем не против иногда приходить к ней в гости и пить с ней чай, говорить о жизни и просто присутствовать рядом.

Близнецы нагрянули через час после обхода. Матвей по-

ставил на тумбочку вазу с тюльпанами, Денька на подоконник – другую такую же, но с розами. В последнее время мои дети снова стали моими детьми. Что-то новое появилось в их отношении ко мне, какая-то особенная бережность, которую они не демонстрируют, но я ее чувствую. И меня это радует, хотя я тоже не показываю этого.

– Цветы какие! Вот спасибо! Сразу весной запахло!

– Скоро сирень начнется, вот тогда-то! – Матвей садится верхом на стул у моей кровати, Денька располагается на табурете. – Тебя завтра выписывают?

– Семеныч сказал – да, завтра. Ух, как же я хочу домой! Кстати. Квртиант ваш съехал уже?

– Он через три дня в командировку должен ехать на целых три месяца, – Матвей умоляюще смотрит на меня. – Ну мам! Он тогда привез нас, а мы его позвали супа поесть – ночь была, наездился он с нами, а у нас супа целая кастрюля. Он согласился, и мы засиделись, заговорились – в общем, остался он спать на диване в гостиной. Да, я знаю, ты это ненавидишь, но выставить его было неправильно и неприлично. Утром мы в институт опаздывали, а о нем-то и забыли, ключей не оставили. В общем, пришли, а он еды сварил и... Он с женой разводится, квартира общая, она там, а он хотел у брата поселиться, но у брата какая-то проблема нарисовалась – в общем, никак. Ну, мы и предложили. Да он клевый дядька, мам, готовить нас научил, и так за жизнь с ним поговорить очень познавательно. Он археолог, раскапывает ка-

кие-то старые поселения, пишет книжки об этом и по миру поездил – в общем, много всякого интересного порассказал.

– Ну, поглядим.

Это, может, и хорошо, что дети были под присмотром. Но остальное вызывает у меня сомнения, и я не успокоюсь, пока сама не прощупаю этого типа как следует – мало ли, что можно рассказать двум балбесам, а меня не проведешь!

– Из полиции никаких новостей?

– Да какие новости! Смешно даже предположить, что они способны что-то выяснить.

А я выясню, вот как только выйду отсюда, так и примусь выяснять. Есть люди, которые мне помогут узнать, что происходит.

– Ну что, Оля, будем прощаться?

Семеныч доволен, а такое с ним случается нечасто.

– Теперь не забывай о терапии, Василий тебе все разъяснил, но через недельку приедь, покажись. На работу пока не выписываю, и дома тоже осторожно – тяжелого не поднимать, резких движений не делать, отдыхай, в общем, набирайся сил, а через недельку – милости прошу на прием!

– Спасибо, Валентин Семеныч!

– Кстати, там у тебя Валерка живет... В общем, я зайду сегодня вечером, ты не против? А то и не увиделись с ним толком.

– Конечно.

Мне настолько дико, что в моей квартире живет совершенно чужой мужик и что суровый Семеныч собирается прийти и навестить его... В общем, полный разрыв шаблона.

– Что, Оля, пора собираться?

– Да. Вот близнецы приедут, одежду мне привезут – и в путь. Матрона Ивановна, я вам очень благодарна за все. И если вы не против, я бы хотела иногда навещать вас.

– А чего мне быть против. Конечно, навещай, где мой дом, тебе известно, и тебя я всегда с радостью приму.

– Я вот только спросить хотела... Помните, в тот день, когда меня отравить пытались... Мне сквозь сон слышались ваши слова – какие-то странные...

– Это защитные слова, оберег, что читается на дочь. У тебя нет матери, у меня нет дочери – вот и прочитала я его над тобой, чтоб враги никакие не одолели тебя. Считай, удочерила тебя, неприкаянную.

– Но почему?!

– Надо так, – Матрона Ивановна вздыхает. – Есть вещи, которые нужно сделать только так, а не иначе, и другого ответа не ищи. Так что навещай меня, конечно, ты мне теперь родня.

Я чувствую себя очень странно. И приятно это слышать, и не понимаю я, отчего эта женщина выбрала меня. Я ведь не самая добрая на свете, и людей, в общем, избегаю – если меня не вынуждают к общению какие-то обстоятельства. Только Марконов стал исключением, но он и вообще во многом

для меня исключение.

– Давай вещички твои соберем, где сумка-то? Не забудь ничего, примета плохая – забыть что-то в больнице, значит, вернешься сюда.

– Ой, нет, я не хочу.

– Да кто же в здравом уме такого захочет.

Я собираю свои вещи, но это глупо делать в халате и тапках, а другой одежды у меня нет. Та, что была на мне в момент, когда я попала в больницу, пришла в негодность, и близнецы сказали, что к выписке притащат новую одежду, из моего шкафа. Правда, я значительно похудела за это время, но доехать до дома в обвисшем платье все-таки смогу.

– Можно?

Высокий симпатичный мужик в джинсах и клетчатой рубашке, наброшенной поверх черной футболки, стучит в дверь. Ну, чисто символически – дверь-то открыта.

Я удивленно смотрю на него – что ему здесь надо? Он явно ошибся палатой.

– А, Валерик! Что ж ты, сынок, не заходил так долго?

– Да хотел дать вам время поговорить, – он ставит на кровать пакет. – Вот, Ольга Владимировна, ваша одежда. Мальчишкам в институте пары передвинули, они не смогли приехать, так я сам привез.

– Ну и молодец, – Матрона Ивановна гладит его плечо. – А то ведь затосковала наша птичка в больничных стенах. И то сказать – весна какая на улице, а она здесь взаперти мается!

Я смотрю на все это и пытаюсь как-то склеить впечатления. То есть вот этот мужик и есть тот самый бородатый троглодит, который стащил меня с моста, который ударил близнецов, который пробрался в мой дом и... Бог знает, что еще, но если бы мне сейчас сказали опознать его, я бы с чистой душой поклялась, что впервые его вижу. Разве что голос похож, но мало ли на свете похожих голосов.

– Тогда вы одевайтесь, а я за дверью подожду. Это ваша сумка? Ничего не забыли? Примета плохая – оставить что-то в больнице.

Я молча пялюсь на него, не в силах произнести ни слова. Наша первая встреча происходила при таких обстоятельствах, что мне и вспоминать не хочется, да и поругались мы с ним тогда здорово.

Он подхватывает мою сумку и выходит.

– Ну, чего застыла? Давай, Оля, одевайся – и домой, – Матрона Ивановна достает из пакета вещи, аккуратно раскладывает на кровати. – Ишь, материя какая – и не измялась почти. Сейчас наденешь, и совсем расправится. Платье-то красивое, и кофточка хоть куда.

Платье это я вижу впервые, как и кофточку. Они совсем не в моем стиле, зато очевидно, что моего нынешнего размера. Судя по всему, притащив шмотки из магазина, близнецы их постирали – все-таки не зря я их приучала к порядку. И колготки моего оттенка, самые светлые. Белье вышитое, кружевное, тоже новое... А вот туфли – мои, удобные,

с бантиком. Обувь и белье – единственная вольность, которую я себе позволяла в одежде. Белье, кроме меня, все равно никто не видит, а потому можно покупать все, что нравится, а туфли у меня все на низком ходу, зато в бантиках и цветочках. Это мой ответ Чемберлену – Его Величеству Дресс-коду, будь он неладен.

Я снимаю халат и надеваю платье из струящейся ткани – на черном фоне букетики цветов. И кофточка в тон этим букетикам. Ну, колготки и туфли – вообще без проблем.

– Подкрасилась бы. А то ведь с лица на смерть похожа.

– Да ладно, Матрона Ивановна, тут ехать всего ничего, обойдусь.

– Халат-то в пакет упакуй, и тапки тоже.

Я запихиваю в пакет халат и тапки и оборачиваюсь к санитарке. Отчего-то я привязалась к этой странной старушке, вот и сама не знаю, отчего.

– Ну, надолго я с тобой не прощаюсь, скоро в гости пожену, – она крестит меня и подталкивает к двери. – Идем, пора домой, Валерик заждался.

Мы выходим из палаты, на тумбочке и окне сиротливо желтеют цветы. Очень я отчего-то люблю желтые цветы, хоть розы, хоть тюльпаны, хоть ирисы – да любые. Вот только нарциссов не люблю в букетах. На грядке – сколько угодно, а срезанные поставить – почему-то нет.

Он ждет в коридоре, всем своим видом показывая, что ситуация самая что ни на есть рядовая. Только ни хрена она не

рядовая, и мы оба это знаем.

– Ну что ж, дети, идите! – Матрона Ивановна смотрит на нас весело и иронично. – Не убейте только друг друга, характеры-то у обоих – ух! Жду в гости.

Она уходит в отделение, а новый мой знакомец берет у меня из рук пакет с халатом и кивает:

– Я там машину припарковал недалеко. Поедем, что ли.

Я молча иду за ним. Не знаю, как на него реагировать. С одной стороны, он был с моими детьми, когда им был нужен кто-то рядом – кто-то взрослый. С другой стороны, в моем доме после смерти Клима отродясь не ночевали мужчины, даже в качестве диванного постояльца, и то, что все это решило помимо меня, мне, конечно, не очень нравится. Ладно, три дня, а потом он уедет, и будем жить, как жили. Так и быть, ведь он заботился о моих детях.

– Я понимаю, что ситуация тебя напрягает.

Ага, он вспомнил, что тогда, ругаясь, мы перешли на «ты».

– Да не то чтоб напрягает, но, безусловно, для меня это нетипично.

– Я знаю. Послушай, так вышло, что...

– Мне дети все объяснили. Не парься попусту, не о чем толковать – я рада, что ты был с моими детьми, что они не остались одни, голодные...

– Без шапочек и курток...

Это он пытается шутить, но мне такие шутки никак – по-

тому что близнецы когда-то замучили меня своими болезнями: и ветрянка, и корь, и скарлатина, и просто вирусы, которые они хором цепляли в детском саду и школе, и простывали постоянно! Пока немного переросли и годам к шестнадцати перестали болеть каждый месяц. Зато год назад переболели ангиной, оба сразу, и ангина оказалась тяжелейшая! То-то мне счастья было бы, знай я, что они заболели, а я как на грех сама в больнице и лечить их некому!

– У тебя дети есть?

– Нет.

– Тогда шутки насчет шапочек и курток в сторону. Я знаю, что делаю, когда велю им не бегать голыми по холоду и правильно питаться, я их мать, и мне виднее, что им нужно.

– Они взрослые уже.

– Да, чтобы ковыряться в компах и трахать девок – безусловно. А вот позаботиться о себе они в принципе не в состоянии. Лет до четырех, собираясь на прогулку зимой, они доказывали мне, что куртки, шапки и теплые штаны надевать не надо, на улице же солнце! Они по такому примерно принципу и сейчас одеваются, а потом мерзнут, простывают и болеют. Можно подумать, это один раз было, а ведь даже не двадцать один – а постоянно. И пока они не научатся сами о себе заботиться, я отказываюсь считать их взрослыми.

– Ну, доля правды в этом есть. Во время пребывания в твоей квартире я отметил их полнейшую бытовую беспомощность, которую по мере сил постарался ликвидировать,

хотя бы в части питания.

– Да, они говорили. Спасибо. У нас с ними последние несколько лет была какая-то затяжная война, так что все мои попытки как-то приучить их организовывать собственный быт встречались враждебно.

– Ну, это я заметил тогда. Впрочем, они за это время повзрослели и кое-что поняли.

Мы поднимаемся в квартиру, и я останавливаюсь в прихожей. Это моя квартира, но что-то неуловимо изменилось. Запах, тишина... не знаю.

– Мы тут организовали генеральную уборку, да и комнату свою они привели наконец в порядок. В общем, как-то так. Там суп есть, идем поедим.

– Переоденусь только.

Мне надо как-то свыкнуться с мыслью, что меня в моем же доме зовут обедать – причем совершенно незнакомый мужик, который, однако, как-то смог сладить с близнецами настолько, что они, по его словам, прибрались в своем логове.

Я переодеваюсь в халат и иду мыть руки, попутно заглянув в комнату близнецов. Они не просто прибрались – они покрасили стены в нежно-салатовый цвет, развесили репродукции картин, а все «железо» убрали в невесть откуда взявшийся шкаф.

– Купили лист ДСП и соорудили с ними шкаф для их деталей и прочего, как раз такой, как им удобно.

– У меня просто нет слов – я в ауте!

– Отлично. Тогда идем обедать, суп стынет.

Овощной суп с куриными клецками выше всяких похвал.

Надо же, сам приготовил...

– Это ребята утром тебе сварили.

Все, он меня этим доконал.

– Ешь, чего ты. Они старались, и получилось неплохо.

– Очень хорошо получилось! Надо же...

– Просто некоторые вещи парням должен объяснять мужчина, вот и все.

Я знаю. Я всегда знала, что придет момент, когда моим детям станет нужен рядом отец, а его не будет. Но с этим я ничего не могла поделать.

– Я знаю. Но их отец погиб, а приводить в дом чужого мужика я не рискнула. Да и не хотела.

– Они говорили мне.

Что они еще тебе говорили? Чему ты тут учил моих детей, пока я на больничной койке валялась?

– Я печенья купил, чай будешь?

– Ага.

Мне надо как-то привести в порядок свои мысли и впечатления.

– Вот вернусь через три месяца и повезу вас всех на дачу к себе. Шашлыков нажарим, отдохнем. У ребят каникулы еще будут, ты немного поправишься, и рванем. Там лес, речка, красота невероятная! Тебе сахар класть?

– Да, две ложки.

Похоже, он собирается вернуться **сюда**. Блин, да что же это такое! Отчего моя жизнь полетела к чертям, а вместо нее образовался какой-то театр абсурда? Мы молча пьем чай с печеньем, и я не знаю, как мне себя вести и что говорить.

– Ты отдыхай, я тут по хозяйству сам подсуежусь. Вечером Семеныч грозился заглянуть.

– Да, он говорил, что придет тебя навестить.

– Послушай, я знаю, что ситуация какая-то неловкая, но...

– Забей. Так уж вышло, что теперь толковать. Пойду прилягу, а то и правда что-то я устала.

Дорога домой и подъем на этаж вымотали меня, а впечатления и вовсе доконали. Мне надо побыть одной и все обдумать, а потому я занырну в душ, а потом влезу под плед и подумаю над ситуацией.

Но подумать у меня не получилось, потому что только я укуталась в свой плед, как тут же уснула – так, как не спала в больнице, глубоко, без сновидений.

– ...новые проблемы. Валера, это самое странное решение из всех, что я мог бы предположить!

– Да ладно, Семеныч, ты-то хоть не шпыняй меня. Я ведь приехал и думал у Сереги пожить, а он говорит: нет, братан, у меня баба новая, у нас все только начинается, давай к кому-то из друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.